

Правда: Русская национальная идея

Трактат представляет собой попытку доказать, что особенности россиян и российского общества упираются не в психологические или природные характеристики, на которые напускают признанные авторитеты, как русофилы, так и русофобы. Дело не в них, а в склонности россиянина верить в то, что каждое общественное событие, явление, или процесс имеют в своей подоплеке некую единую «подноготную правду», которая его и объясняет. Из этой идеи автор выводит такие особенности российского общества и индивидуального сознания как повторяющаяся историческая «колея» централизма и авторитаризма, отсутствие независимой судебной системы, нежелание населения бороться за свои гражданские права, невозможность независимого от правительства технического прогресса, и многие другие. Первая часть посвящена обзору дружественных точек зрения на Россию. В приложении под углом зрения единой правды кратко излагается история России, что приводит к оценкам, подчас сильно отличающимся от общепринятых.

Б.Г. Миркин

17.11.2015

Краткие сведения об авторе

Миркин Борис Григорьевич, д.т.н. профессор Факультета компьютерных наук НИУ ВШЭ, эмеритус профессор Лондонского университета.

Специализируется в математических и вычислительных методах анализа и визуализации данных, текстов, решений с приложениями в социологии, геномике, системном анализе и пр.

Начало биографии – типично для городского россиянина. Научился читать, чтобы иметь постоянный доступ к волшебным стихам «Сказки о царе Салтане» А.С.Пушкина. От Пушкина тогда же получил и постоянный интерес к проблематике данного трактата, неожиданно задумавшись о смысле выражения «Там русский дух, там Русью пахнет». Вырос в семье офицера Советской Армии – в первый класс школы пошел в Карелии, а закончил школьное обучение в Туркмении. Частые переезды способствовали лучшему знакомству с реалиями российской глубинки. Учился в Саратовском университете на Волге.

После защиты кандидатской диссертации попал в Институт экономики Сибирского отделения АН СССР (Академгородок), где прошел школу ведения социально-ориентированного исследования в благожелательной атмосфере свободного научного поиска, созданной руководителями - К.А. Багриновским и А.Г. Аганбегяном. Разработал оригинальный подход к анализу структур и данных со смешанными – и количественными, и качественными – шкалами. Пользователям подход нравился; специалисты же его не принимали: математики указывали на поверхностность исследования сформулированных задач, а инженеры – на отсутствие солидных технологических решений. Четыре докторские диссертации и 16 лет, прошедших с момента завершения первой из них, до, наконец, успешной защиты четвертой, закалили характер автора и усилили его желание «понять Россию» - если не умом, то системным анализом. Задним числом теперь ясен корень трудностей с диссертациями: автор создавал методы для компьютерных технологий, тогда еще не существующих.

Распад Советского Союза и последующая неразбериха помогли автору, тогда сотруднику Центрального экономико-математического института, существенно продвинуться в освоении предмета, бросив его в самую гущу Запада. Соглашение трех лидеров в Беловежской Пуще (декабрь 1991) застало автора в длительной служебной командировке в Париже. Благожелательное отношение руководства ЦЭМИ (С.А. Айвазян, А.Ю. Шевяков, В.Л. Макаров) позволило автору задержаться на Западе дольше, чем планировалось. Два года во Франции (1991-93), пять лет в США (1993-98), три года в Германии (1997-99), десять лет в Англии (2000-10) автор, продолжая свою научную работу и взаимодействуя в процессе с различными людьми и организациями, пытался разобраться – прежде всего, на своем примере и на своих «шишках», конечно, - с национальными особенностями россиян по сравнению с французами, американцами, немцами и англичанами.

В настоящее время автор работает в Департаменте анализа данных и искусственного интеллекта в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики». Ему нравится благожелательная атмосфера НИУ ВШЭ, созданная руководителями – непосредственными (Ф.А. Алескеров, С.О. Кузнецов, И.В. Аржанцев) и центральными (Я.И. Кузьминов, Е.Г. Ясин). Предоставив автору творческий отпуск в 2015, они дали ему возможность дописать, наконец, и этот трактат. Хотя автор опубликовал с десяток учебников и монографий в отечественных и зарубежных издательствах, это его первый опыт в изложении своего мнения по более широкому кругу вопросов.

Идея Правды как Основа российской общественной культуры

Б.Г. Миркин

«Душа русского народа всегда искала своих корней в Боге и его земных проявлениях: *в правде, праведности и красоте*. ... Россия есть прежде всего – *живой сонм русских* правдолюбцев, «прямых стоятелей», верных Божьей правде».

И.А. Ильин (1883-1954) О русском национализме. М., Российский Фонд Культуры, 2007, с. 16.

«Не в силе Бог, а в правде».

Князь Александр Невский (1221-1263) традиция

Содержание

Предисловие	3
Введение	3
1. Русские и русская идея в литературе	5
1.1. Манифесты русских писателей	
1.2. Манифесты русских патриотов	7
1.3. Русские глазами европейцев	11
1.4. Русские глазами исследователей	15
2. Особенности русской личности и русского общества в свете идеи правды	21
2.1. Правда – специфически русское понятие	
2.2. Нечёткость границы между делом и словом	22
2.3. Единственность правды	23
2.4. Идеальная структура российского общества	25
2.5. Структура российского общества в истории	26
2.6. Особенности поведения россиянина	30
А. Самонедостаточность.	
Б. Относительная некомпартментализованность личности	
В. Жизнь в настоящем – атмосфера неопределённости	
Г. Нечёткость границы между объективным и субъективным	
3. «Кто виноват и Что делать»	35
Заключение	39
Приложение: Очерк истории России	40
Цели российской государственности и столетний цикл	
16 век. Формирование централизованного государства	
17 век. Формирование структуры общества	
18 век. Униформизация структуры государства	
19 век. Дальнейшая униформизация структуры общества	
20 век. Большевики: Ещё большая униформизация структуры общества и государства	

Предисловие

Широко известны два высказывания о том, что к России логика неприменима.

«Умом Россию не понять.
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.»

Ф.И.Тютчев, русский дипломат и поэт

«Russia is a riddle wrapped in a mystery inside an enigma (Россия — это загадка, упакованная в тайну, спрятанную в непостижимость).»

У. Черчилль, английский политик и писатель

Смысл обоих – что в России ничего нельзя понять, настолько нелогичны и противоречивы ее внутренние и внешние проявления. За примерами далеко ходить не надо. Посмотрим на события только двадцатого века. Внутренние парадоксы: отмена эксплуатации человека человеком в результате Октябрьской революции – и создание рабской системы Гулаг; повсеместная электрификация – и полное отсутствие технического прогресса в социальной сфере; культурный подъем малых народов при советской власти – и массовая высылка народов-«предателей». Внешние противоречия: глобальные мирные инициативы – и создание коминтерна, международной «подрывной» организации, руководимой из Москвы; решающая роль в создании еврейского государства Израиль – и беспросветный антисемитизм в последующие годы советской власти; создание социалистической системы стран-соседей, включая Китай, и последующая борьба с Китаем, включая даже военные действия и – по слухам – предложение руководству США объединить усилия в борьбе с Китаем.

Данный трактат – попытка предложить взгляд на Россию, объясняющий эти и подобные проявления, прошлые и будущие.

Введение

Является ли русский европейцем? Любой скажет: да, конечно. Такие события как Наполеон, Крымская война, Первая и Вторая мировые войны поместили Россию в европейский контекст вполне определенно.

Однако ж есть и существенные отличия, видимые невооруженным глазом. Недаром социологические опросы последнего времени показывают, что более половины россиян не идентифицируют себя с Европой – конечно, речь идет об объединенной Европе Европейского сообщества, в которой унификационные усилия незаметно переходят порог толерантности моих сограждан.

Недавний расстрел редакции юмористического еженедельника двумя фанатиками в Париже – хорошая лакмусовая бумажка. Отношение европейца, а лучше сказать – француза: «Нас не запугать. Мы будем продолжать рисовать карикатуры, связанные с пророком Мухаммедом!» Отношение русского: «Конечно, убивать нехорошо. Убийцы должны быть наказаны. Но и карикатуры больше появляться не должны, раз они так оскорбляют чьи-то чувства». Конфликт свободы с необходимостью социального уважения. Нам говорят: «Франция долго боролась за свободу слова, более века утверждая словом и делом, судьбами выдающихся мыслителей и чередой народных восстаний, что религиозные книги, написанные в древние – да и более свежие – времена, не могут и не должны подавлять свободу мысли и прогресс. На Востоке не было Просвещения, поэтому вы в России, на Ближнем Востоке и других местах остаётесь варварами, над которыми довлеют старые догмы. Поэтому вы всегда будете в Европе отщепенцами, которых все будут шпынять до тех пор, пока вы не переменитесь и не станете такими же, как мы». Зря, значит, наш президент обижался, что

все его усилия и результаты по организации Сочинской олимпиады в 2014 пошли прахом в глазах европейцев и американцев. Они постарались олимпиаду проигнорировать, придравшись к пустяшному – на наш взгляд, конечно, - поводу, что наши люди рассматривают геев и лесбиянок как аморальных и развратных клоунов, а не борцов с предрассудками. Это была не пустая придирка, а просто повод для заслуженной – и постоянно заслуживаемой, пока не станем, как они – порки. Но можем ли мы стать такими, как они? И – хотим ли?

Великий русский мыслитель Н.Я. Данилевский провёл историко – культурологический анализ взаимоотношений Европы и России (см. его книгу «Россия и Европа», 1871, 2008), выдвинув по ходу дела ряд серьёзных понятий и гипотез, которые следовало бы продолжить и развить, как это обычно бывает в науке, критически отбрасывая менее зрелые идеи, уточняя и пополняя фактами более зрелые подходы. К сожалению, в России этого сделано не было. В 1871 году идеи Данилевского пришлось не ко двору всё увеличивающегося лагеря радикалов; в Европе, правда, кое-что из общих соображений было подхвачено, ведя, через Шпенглера, Тойнби и др. к современным понятиям цивилизации и столкновения цивилизаций. Но в целом вся эта тематика – о сходстве и различиях между народами и расами – после победы над гитлеризмом оказалась пока что исключённой из научного дискурса по причинам политкорректности. По Данилевскому – Россия не Европа, хотя, конечно, многие из положений Данилевского не выглядят ни очевидными, ни даже верными. Так, он объявляет современную ему Европу порождением единой романо-германской культуры, а её главным принципом – насильственный подход к разрешению конфликтов. Россия же, на тот момент – единственное независимое славянское государство, да к тому же и самое большое, объявляется олицетворением славянской культуры, где главный принцип – ненасильственность. В настоящее время, после крайностей большевистской диктатуры, как то уж очень охотно применявшей насилие, включая выселение народов и расстрелы мирных демонстраций, совершавшиеся не только какими-то там инородцами – грузинами, к примеру, или евреями, а и эталонно русскими деятелями типа Хрущева или Горбачева, настаивать на последнем тезисе довольно трудно. Я уж и не говорю о сомнительности отождествления современных германской и романской культур.

Конечно, надо правильно понимать, что Европа далеко не единообразна. Народы – носители диалектов германского языка сильно отличаются от народов романских языков. Но и германоязычные народы могут сильно отличаться друг от друга – достаточно упомянуть католиков, как баварцы, и протестантов, как пруссаки. Не забудем, что германские народы более ста лет были в религиозном брожении, завершившемся разрушительной тридцатилетней войной, последняя точка которой была поставлена лишь в 1648 г. В Англии, говорят, как и в России, не было Возрождения – но и у них была изнуряющая пора революций. О французских революциях и Наполеонах мы вполне наслышаны. Италия смогла объединиться в независимое государство только к концу 19 века. Было бы большой наивностью утверждать, что долгое гостевание одного из основателей современной философии общественных отношений, Дидро, у Екатерины Второй в России было не более, чем ее прихоть.

Многие считают, что мы и так такие же, как они, а все различия – случайные и несущественные. И дело, в сущности, за малым – чтобы Европа перестала делать из нас монстров и приняла такими, как мы есть, а уж за нами-то дело не станет. Увы, это не так. И дело – не за малым. Мы-таки отличаемся. Отличаемся не сильно, позволяя десяткам писателей, композиторов и философов находиться в национальных пантеонах как России, так и европейских стран. Но есть и глубокая разница, которую можно проследить до одного-единственного вопроса. Но этот один вопрос настолько ключевой, что приводит к десяткам других отличий.

Тезисы:

- При конфликте свободы с необходимостью социального уважения русские предпочитают второе.
- Россия: Европа или не Европа? Скорее Европа, но с существенным отличием.

1. Русские и русская идея в литературе

1.1. Манифесты русских писателей

Начав писать этот трактат, я долго не мог найти стержень повествования. У меня никак не складывался образ оппонента, т.е. человека, которого я должен убедить в своей правоте. Не имея такого образа, очень трудно вести дискуссию, прежде всего потому, что неясно какие представления у нас общие, и о них можно не распространяться, а какие различаются и должны быть разъяснены.

Мне хотелось знать мнение о России и её особенностях, высказанное не хулителем, не европейцем или русофобом, так сказать, а наоборот, признанным ревнителем русского народа и его духа. Почему-то так получалось, что все источники этого плана, которые я находил, либо концентрировались на православии и соборности, понимаемых на необычайно абстрактном уровне, либо просто издевались над здравым смыслом, утверждая что-то совсем уж неконструктивное, типа того, что, мол, «русская идея – это та, которую выражает русский народ своим существованием и поведением». Вот, например, что можно прочесть в 30-страничном эссе «О русской идее», написанном не каким-то там графоманом, а признанным мыслителем И.А. Ильиным, известным чёткостью формулировок; одним из тех, кого большевики выдворили из России на «философском» пароходе в 1922 г. : «Мы Западу не ученики и не учителя. Мы ученики Богу и учителя себе самим. Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру – из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом – смысл русской идеи.» (И.А. Ильин: О русской идее. В кн. О русском национализме. М., Российский Фонд Культуры, 2007, с. 118). Итак, сердце, созерцание, свобода, предметность. Вы что-нибудь поняли? Я – нет. Недаром, когда не очень давно, в эпоху позднего Ельцина, сунулись было на поиски русской идеи, никто не сумел воспользоваться определениями И.А. Ильина, как, впрочем, и никакими другими (сиречь многоуважаемых Бердяева, Лосского, Сорокина и прочих).

Получалось так, что лучше Ф.М. Достоевского русские особенности никто не выразил. Вот что писал Достоевский:

«...В русском характере замечается резкое отличие от европейского, резкая особенность, что в нем по преимуществу выступает способность высокосинтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности. В русском человеке нет европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Он со всеми уживается и во все вживается.... Он инстинктом угадывает общечеловеческую черту даже в самых резких исключительностях европейских народов; тотчас же соглашает, примиряет их в своей идее, находит им место в своем умозаключении и нередко открывает точку соединения и примирения в совершенно противоположных, сопернических идеях двух различных европейских наций, - в идеях, которые сами собою, у себя дома, еще до сих пор, к несчастью, не находят способа примириться между собою, а может быть, и никогда не примирятся.» (Ф. Достоевский, Мысли о России. Что есть Россия, (Заметки писателя), М.- Алгоритм, 2014, стр. 38-39). Как известно, идею о «всечеловечности» русского человека Ф.М. Достоевский разовьёт в 1881 г. в своей речи на открытии памятника А.С. Пушкину – высшего, по Достоевскому, выразителя этой идеи. Говоря о реформах Петра Первого, давших начальный толчок включению России в Европу, Достоевский отмечает, что «Петр выражал в себе стремление народа обновиться, дать более простору жизни – но только до сих пор он был народен. ... Выражаясь точнее, одна идея Петра была народна. Но Петр как факт был в высшей степени антинароден... Он изменил народному духу в деспотизме своих реформаторских приемов.... Деспотизм вовсе не в духе русского народа. ... Он слишком миролюбив и любит добиваться своих целей путем мира, постепенно. А у Петра горели костры и воздвигались эшафоты... Реформа главным образом была обращена на внешность... Русский народ не любит гоняться за внешностью: он больше всего ценит дух, мысль, суть дела. ... Факт стал очевиден, что народ отрекся от своих реформаторов и пошел своей дорогой... Бюрократия развивалась в

ущерб народным интересам... Из усердия к народным интересам мы являемся его советниками, например, по земледельческому его делу. ... Но читает ли наши книжки народ? Да! Читает и слушает из простого любопытства, как о новых, прежде неслыханных вещах, с такой же охотой читает, как и Еруслана Лазаревича (Там же, стр. 76-77)». Вот, поди ж ты, Достоевского давным-давно нет, сто лет уже как уничтожили царизм и дворянство, а положение интеллектуальной элиты российского общества, кажется, ничуть не изменилось.

Ещё одна цитата из Достоевского; на этот раз его пересказ диалога героев романа «Анна Каренина» Л. Толстого, двух дворян – крупных землевладельцев Стивы Облонского и Константина Левина. Крепостное право отменено, но земли за ними оставлены. Левин задумывается: по какому праву он купается в роскоши, когда мужики в поте лица своего добывают свой очень нещедрый хлеб? Для аморального Стивы здесь нет никакой проблемы – он не видит никакой несправедливости и мгновенно переориентируется на новых «сильных мира сего». Этих сильных Достоевский именует «железнодорожниками», имея в виду капиталистов, развивающих дорожное и железнодорожное строительство, приносящее большие барыши в пореформенной России. «Ведь это несправедливо», выражает Левин мысли автора. «Так раздай свои земли мужикам», говорит Облонский. Но Левин не может вот так вот, с кондачка, отказываться от земли – ведь это достояние не только и не столько его, сколько всей семьи, включая будущие поколения. Мы знаем, как Л. Толстой через много лет после написания романа в конце концов разрешит для себя данную проблему – в 1910 г. он собирается с силами и просто уходит из дома в пустынники. Достоевский подчёркивает: «Левиных в России – тьма, почти столько же, сколько и Облонских. ... Я говорю про одну черту его сути, но зато самую существенную, и утверждаю, что черта эта до удивления страшно распространена у нас, то есть среди нашего цинизма и калмыцкого отношения к делу. ... Заметьте, опять повторяю и спешу повторить, черту: это множество, чрезвычайное современное множество этих новых людей, которым нужна правда, одна правда без условной лжи, и которые чтобы достигнуть этой правды, отдадут всё решительно.» (Там же, стр. 142.)

Далее Достоевский объясняет, что в Европе социалистические идеи появились исторически: сначала-де буржуа победили дворянство и рыцарство, а потом пролетарии стали объединяться с тем, чтобы ограбить буржуа, при необходимости их уничтожить, и построить братство коммунизма на обломках. Но это – в Европе. В России ситуация должна быть совершенно иной, говорит Достоевский. «Единственно возможное разрешение вопроса, а именно русское, и не только для русских, но и для всего человечества – есть постановка вопроса нравственная, то есть христианская.... Надобно заботиться больше о свете, о науке и усилении любви... (Там же, стр. 147-148)». Ну и так далее. Достоевский решает проблему Левина на путях любви; если Левину станет легче от того, что он от земли откажется – так откажись ради людей, ради любви к ближнему. Но это вовсе не значит, что ситуация симметрична. Никто другой не имеет права на эту землю, ибо «нравственное решение нельзя смешивать с историческим (Там же, стр. 144)».

Для Льва Толстого ситуация значительно проще. «Несправедливость состоит в том, что как не может существовать права одного человека владеть другими (рабство), так и не может существовать права одного, какого бы ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землею, как собственностью. Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею», – пишет он главе правительства П.А. Столыпину, возражая против политики выделения сильных производителей – кулаков - из общины. Эту сторону толстовства отметил другой русский мыслитель, Н. Бердяев, который

заклеймил Л.Н. Толстого со свойственной ему горячностью как выразителя той самой силы, что, по его мнению, привела к русской революции 1917 г.: «Толстой сумел привить русской интеллигенции ненависть ко всему исторически-индивидуальному и исторически-разностному. Он был выразителем той стороны русской природы, которая питала отвращение к исторической силе и исторической славе. Это он приучал элементарно и упрощенно морализировать над историей и переносить на историческую жизнь моральные категории – жизни индивидуальной. Этим он морально подрывал возможность для русского народа жить исторической жизнью, исполнять свою историческую судьбу и историческую миссию. Он морально уготовлял историческое самоубийство русского народа.... Толстой требует немедленного и полного осуществления абсолютного, абсолютного добра в этой земной жизни, подчинённой законам грешной Природы, и не допускает относительного, истребляет все относительное.» (Н. Бердяев, Духи русской революции.)

Тезисы:

- **Русская идея: православие и соборность?**
- **Достоевский: Русский «открывает точку соединения и примирения в совершенно противоположных, сопернических идеях».**
- **Бердяев: «Толстой требует немедленного и полного осуществления абсолютного, абсолютного добра в этой земной жизни, подчинённой законам грешной Природы, и не допускает относительного».**

1.2.Манифесты русских патриотов

Я привёл несколько выдержек из Достоевского, упомянул мнения И.А. Ильина, Л.Н. Толстого и Н.А. Бердяева. Это замечательные писатели, и они много чего говорили и о России, и о русских, и о православии, как и многие другие русские писатели. Но мне трудно извлечь из их мнений какие-либо советы, относящиеся к практической жизни, – тем более что многие из этих высказываний имеют модальность долженствования, а не существования, т.е. посвящены не столько тому, что есть, сколько тому, как должно было бы быть. К счастью, в последнее время появились авторы, которые провели определенную работу по сбору и описанию характеристик русского народа в достаточной полноте. Одной из первых, если не первой, была К. Касьянова (псевдоним В.Ф. Чесноковой), которая в 70е годы прошлого столетия применила методику известного психологического теста ММРІ (Миннесотский многофакторный личностный опросник) к полутора сотням своих сослуживцев. Усреднённые данные для этих российских мужчин и женщин были сравнены ею с литературными данными о средних американских значениях по несколько десятков шкал, и получившиеся различия проинтерпретированы. Результаты сведены в книгу «О русском национальном характере», которая была сначала опубликована (1994), а теперь доступна для чтения и изучения на интернете бесплатно (см., например, <http://www.etnosy.ru/node/502>, посещено 13/11/2014). Книга К. Касьяновой содержит много глубоких и интересных наблюдений и заключений. Но чем дальше вчитываешься в нее, тем более формируется впечатление, что то, что говорится, относится не столько к российскому народу как целостности, сколько к типу младших научных сотрудников советских отраслевых и академических институтов, среды, из которой черпались респонденты К. Касьяновой. Особенно это относится к предлагаемому ею психологическому типу «эпилептоида» (см. далее), зажатого индивида, с трудом переключающегося на другие виды деятельности, как основному типу русского человека. В последнее время подобные количественные методы были применены и к данным социологических опросов в 6-томном труде под общей редакцией С.С. Сулакшина «Национальная идея России», 2012. В настоящее время можно говорить о том, что термин «Русская/Российская цивилизация»

прочно укоренился как основной в описании феномена российской идентичности. Небольшая книга современного интеллигента д.т.н. В.Н. Ильина «Манифест русской цивилизации», М, 2013, в этом плане представляется особенно полезной, поскольку в ней системно и полно представлены основные характеристики русского народа и его культуры, рассматриваемые или подразумеваемые многими авторами. В.Н. Ильин считает, что во главе угла стоит менталитет, который в данном случае складывается под влиянием трёх факторов – природного, генетического и социального, так что основные черты менталитета можно разделить по этим факторам (см. стр. стр. 14-19 указанного труда):

А. Черты, определяемые прежде всего природой ареала проживания:

А.1. Устойчивость нервной системы, способность преодолевать трудности, стойкость, терпеливость.

А.2. Уравновешенность темперамента.

А.3. Способность к мобилизации внутренних сил.

А.4. Миролюбие, гостеприимство и добродушие.

А.5. Широта натуры.

Б. Черты, обусловленные генетически:

Б.1. Талантливость.

Б.2. Высокая способность к адаптации.

Б.3. Смекалка.

В. Черты, определяемые социальными условиями жизни:

В.1. Коллективизм и соборность.

В.2. Чувство несправедливости социального неравенства, социальное сострадание.

В.3. Религиозность.

В.4. Культ вождя.

В.5. Национальная и религиозная терпимость.

В.6. Патриотизм.

Попытки как-то увязать эти черты через тип личности, обладающей ими, отсутствуют. Тем более отсутствуют ссылки на какие-либо подтверждающие наблюдения. В.Н. Ильин далее, несколько неожиданно, переключается на совесть, как ключевую черту русской цивилизации. «Совесть по-русски совмещает два смысла – это социальный моральный долг отдельного человека перед другими людьми и обществом в целом, восчувствованный и осознаваемый им посредством русского мироощущения и миропонимания как личный, внутренний нравственный долг перед самим собой. Главная черта русской совести – её соборный характер, учёт в ней общих интересов, рассматриваемых как главная часть личного интереса» (там же, стр. 24). «Совесть – универсальный критерий, позволяющий русским людям чётко различать Добро и Зло. В русском понимании Добро – это то, что соответствует понятию совести, то есть служит всем людям, Зло – это то, что противоречит совести, то есть служит одному человеку в ущерб другим» (стр. 25). Я думаю, яснее не скажешь.

В соответствии с этим, русская цивилизация проявляется в следующем наборе «цивилизационных констант»:

P1. Приоритет духовного над материальным как ценностями бытия.

P2. Совесть по-русски как основа нравственности.

- Р3. Представление о социальной справедливости как категории, определяемой совестью.
Р4. Понимание свободы как разнообразия возможностей, ограниченного рамками совести.
Р5. Централизованное государственное устройство России.
Р6. Национальная и религиозная терпимость.
Р7. Уважительное отношение к другим странам и цивилизациям. (там же стр. 25-26).

Я так понимаю, что эти семь констант покрывают то, что связано с совестью «по-русски» (пять тем Р1-Р5) и терпимостью (две темы Р6-Р7). Терпимость – да, конечно. Но вот насчет уважительного отношения к другим странам и цивилизациям (тема Р7)? По-моему, никак не соответствует действительности. Готов приводить десятки примеров, включая и задевшее меня пару лет назад телевизионное высказывание нашего главного защитителя Д.О. Рогозина, архетипичнейшего русского человека. На просьбу прокомментировать высказывание какого-то очередного украинского лидера, Рогозин публично выразился в том смысле, что это полная чепуха, и высказавший ее лидер мог это сделать только потому, что объелся сала. (Нарочито гротескное обвинение – унижительный намек на национальные привычки украинцев). Никого мы не уважаем, включая, впрочем, и себя.

Тем не менее, как говорится, «в целом» особых возражений список не вызывает. Важно, что он сформулирован человеком, который является, с одной стороны, специалистом в области системного анализа, а с другой стороны, активным защитником русской цивилизации. Это позволяет мне оперировать с данным списком, не боясь обвинений в передёргивании или русофобии.

Обращает на себя внимание то, что среди цитированных черт менталитета начисто отсутствуют качества, связанные с формированием и продвижением инноваций («упертость», «способность идти против течения» и пр.) тем более, умением, как говорят, американцы, «продать» (т.е. убедить других, что это – необходимая вещь) что либо – идею или продукт. Смекалка Б.3 – важное качество, позволяющее выбраться из сложной ситуации, починить неработающий утюг или компьютер, вылезти из внезапного завала и пр. – не может рассматриваться как синоним понятия инновационности. Даже талантливость никак не гарантирует инновационности. Ведь понятие инновационности включает некую систему организации поведения и такую систему взаимоотношений, которые могут сильно противоречить идеям соборности и приоритета духовного над материальным. Молодой писатель времен «позднего культа» В. Дудинцев сделал себе имя, описав хождения по мукам инженера, пытавшегося «внедрить» изобретенные им какие-то особенные трубы в советскую плановую систему. Да что трубы – в нашем институте в Академгородке работал В.С. Мучник, который еще до войны изобрел систему гидродобычи угля и которого поддержал лично И.В. Сталин, выделив одну из донбасских шахт для внедрения метода. Система тщательно пережевала изобретение и, дождавшись часа, выкинула его на обочину – в академическую науку. Вспомним наших выдающихся изобретателей В.К. Зворыкина (телевизор) и И.И. Сикорского (вертолет), успешно работавших в США – совершенно очевидно, что запуск в серийное производство таких устройств возможен в российской системе центральной власти только по очень серьезному указанию свыше и исключительно на экстенсивной основе, т.е. путем создания новых производств, а не модификации существующих. Промышленность, находящаяся в руках государства, не способна идти против течения, а именно этого требует создание новых технологий. Принцип соборности отвергает саму возможность существования небольших групп инакомыслящих, если, конечно, они не скрывают своего инакомыслия. Такая система не может меняться постепенно и изнутри, следовательно, обречена на периодические конвульсии, пожалуй что

пострашнее тех, что сотрясают змею, когда она меняет кожу. Вероятно, цитированные выше обвинения Петра Первого в излишнем деспотизме, сделанные Достоевским, не совсем корректны.

Может быть не очень уместно, но хочется привлечь для иллюстрации поучительную историю из замечательного рассказа «Левша» Н.С. Лескова. Как все, вероятно, помнят, по сюжету тульский кузнец Левша английскую диковинку, заводную миниатюрную блоху, сделанную англичанами в ответ на увиденный тульский пистоль, сумел подковать гвоздиками, которых и увидеть-то нельзя. Мол, «мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши». Подковать-то подковал, да только блоха после этого танцевать перестала. В чистом виде «мастерство для мастерства», без какой-либо прикладной направленности¹. Вспоминается, как под конец прошлого века японская компания Касе, приложив огромные временные, финансовые и инженерные усилия, произвела и стала продавать миниатюрные телевизоры, которые оказались никому не нужны. Поиски возможного окупаемого приложения диковинки привели к созданию мобильного телефона и огромной индустрии, преобразившей жизнь человечества.

Тезисы:

- **В.Н. Ильин: Главная черта русской совести – её соборный характер, учёт в ней общих интересов, рассматриваемых как главная часть личного интереса.**
- **Среди цитированных черт менталитета начисто отсутствуют качества, связанные с формированием и продвижением инноваций.**
- **Такая система не может меняться постепенно и изнутри, следовательно, обречена на периодические конвульсии, пожалуй, что пострашнее тех, что сотрясают змею, когда она меняет кожу.**

1.3.Русские глазами европейцев

Нормальный русский считает себя представителем не только огромной военной мощи, но и технически одарённой нации, давшей миру большое количество изобретений и инноваций. Как это ни печально, восприятие русских европейцами сильно отличается (для удобства я причисляю к Европе и страны, выросшие из вновь освоенных земель Британской империи –

---

¹ Не могу удержаться, чтоб не привести дополнительный эпизод из рассказа, каких там десятки. Надеюсь на то, что те, у кого хватило терпения дочитать до этого места, не посетуют, а, как и я, будут рады возможности лишний раз прикоснуться к удивительному гению Н.С. Лескова. Англичане мастером заинтересовались и долго с ним говорили, предлагая остаться в Англии, чтобы освоить инженерную науку и стать еще лучшим мастером; говорили и о религии, и о женитьбе – на все уговоры Левша отказался, объяснив свои резоны очень подробно, и просил как можно быстрее вернуть его в Россию. На корабле Левша понравился «полшкиперу», заподозрившему, что тот везет на родину какой-то секрет, и предложившему состязание, кто кого перепьёт. «Началось у них пари еще в Твердиземном море, и пили они до рижского Динаминде, но шли все наравне и друг другу не уступали и до того аккуратно равнялись, что когда один, взглянув в море, увидел, как из воды черт лезет, так сейчас то же самое и другому объявилось. Только полшкипер видит черта рыжего, а левша говорит, будто он темен, как мурин. Левша говорит: «Перекрестись и отворотись, это черт из пучины.» Англичанин спорит, что «это морской водоглаз». «Хочешь, - говорит, - я тебя в море швырну? Ты не бойся – он мне тебя сейчас назад подаст.» А левша отвечает, - «Если так, то швыряй.» Англичанин его взял на закорки и понес к борту. Матросы увидели, ... доложили капитану ... и привезли взаперти до Петербурга... Отсюда судьба их начала сильно разниться.» Надо сказать, «полшкипер» товарища не забыл и, едва очухавшись, разыскал левшу. Найдя его в сверхбедственном состоянии, «...побежал к графу Клейнмихелю и зашумел: «Разве так можно! У него,»- говорит, - «хоть и шуба овечкина, а душа человеческая.» Англичанина сейчас оттуда за это рассуждение вон, чтобы не смел поминать душу человеческую.»

США, Канада, Австралия и пр.). Согласно преобладающему мнению, развитие Европы, начиная с эпохи Возрождения, в 15-19 веках поочерёдно двигалось такими регионами как Португалия и Испания (освоение континентов и океанов), Северная Италия, Бельгия² и Голландия (финансовые и торговые институты), Англия (промышленная революция), Франция (военное дело и политика), Германия (протестантство, философия и литература, а впоследствии химия и химическое производство) и пр. Россия в этом движении не участвовала. Она присоединилась, хотя и с опаской³, к Европе в 18 веке в качестве ревностного ученика, довольно быстро превратившись в замечательного инноватора, но не в технике, а в искусстве. Речь идёт, прежде всего, о литературе и музыке, а позднее - и живописи. Понятно, почему. Потому что прав Ильин - в народе полно таланта. Потому что быть инноватором в искусстве значительно легче, чем в промышленности - нет необходимости в наличии развитой системы приема и воспроизведения цепочки инноваций. Достаточно одного театра - и возникают Станиславский, Чехов и Горький; достаточно одной консерватории - и возникают Чайковский и Рубинштейн, достаточно одной ориентированной на живопись реставрации - и возникают Кандинский и Малевич. Достаточно одного-двух ценителей на высоких местах - и вот выпускают огромный тираж журнала «Новый мир» с повестью «Один день Ивана Денисовича», огромный тираж журнала «Москва» с романом «Мастер и Маргарита», дают возможность снимать Андрею Тарковскому, хотя он и никак не умел уложиться в производственные планы. Мы недооцениваем мировое значение русского искусства. В России мало кто знает, например, что «Щелкунчик» П.И. Чайковского сопровождает любого американца и американку всю их жизнь, начиная с самого раннего детства - это главная музыкальная сказка главного праздника года - Рождества. Это не мешает, впрочем, американцам представлять себе русских как brutальных и малоотесанных типов, похожих на клингдонцев из «Звездного путешествия» (культовой научно-фантастической телесериала, воспроизводимой на новом уровне каждое двадцатилетие, начиная с 60х годов прошлого века).

Ещё более впечатляющим событием оказалась Великая Октябрьская революция 1917 г. Царская власть была заменена в Российской империи народным «социализмом» - тоталитарным режимом, потребовавшим от населения неслыханных лишений на пути к личной и общественной трансформации. Этот режим был консолидирован и развит личностью руководителя, И.В. Сталина - вполне вероятно, что без подобного руководителя советский режим, отрицавший все естественные рыночные и социальные связи, просуществовать сколь-нибудь продолжительное время бы просто не смог. Данный режим привёл к дальнейшему противопоставлению России и Европы. Обе стороны и до этого проявляли определённое беспокойство. С давних пор существовали естественные опасения русских быть поглощёнными Западом, проявлявшиеся в как бы пустячных проявлениях типа использования железнодорожной колеи нестандартного размера. Существовали и естественные опасения Запада по поводу экспансионизма России, проявлявшиеся, например, в чрезмерных, по мнению России, заботах о её соседях, прежде всего Османской империи, а теперь Прибалтики, Польши и Украины. С возникновением Советского Союза эти опасения углубились из-за их перевода в официальную доктрину коммунистического интернационала. Коммунистический характер советского общества оставил далеко позади нестыковки железнодорожного полотна. Практически все социальные структуры Советского Союза оказались нестыкуемыми с европейскими. С другой стороны, интернациональный характер коммунистической доктрины с её лозунгом - Пролетарии всех стран, соединяйтесь! -

---

² Речь, конечно, идёт о самостоятельных государствах на территории современной Бельгии.

³ В России широко известно недокументированное высказывание Петра Первого, он же Пётр Великий, тот самый русский царь (1689-1725), который начал широкую систему сближения с Европой в новое время: ««Европа нам нужна лет на сто, а потом мы повернёмся к ней задом»».

обеспечил правительствам Европы постоянную головную боль из-за возможности перехвата их страны в Российские сателлиты. В 1919 году был создан Коммунистический Интернационал, международная организация, ориентированная на дальнейшее разжигание классовой борьбы за рубежом. Исторические материалы свидетельствуют – первая европейская страна, на которую положили глаз победившие в России большевики для распространения революционного пожара, была Германия. Я думаю, правы те, кто считает, что гитлеровский национал-социализм (фашизм) получил поддержку немецкого народа прежде всего как инструмент борьбы с угрозой пролетарской революции в Германии на советских штыках. В дальнейшем СССР действовал, как слон в посудной лавке, поживившись Прибалтикой и другими близлежащими территориями в связи с неудачной интерпретацией задачи укрепления обороноспособности страны. Во Вторую мировую войну Советский Союз вступил как союзник Гитлера. Но с июня 1941 СССР оказался на стороне традиционных геополитических союзников – Франции и Англии, а потом уже и США, и принял на себя основной удар германской военной мощи. Прогнувшись поначалу из-за типичной русской расхлябанности, русские достаточно быстро освоили прогрессивные методы ведения войны, и через 4 года закончили её победителем, заняв все восточно-европейские столицы, включая Берлин. Больше всех от войны выиграли Соединенные Штаты Америки (преодоление кризиса и развитие промышленности; развал Британской империи; глобализация экономики; мировая финансовая система, основанная на долларе), а также СССР (создание системы социалистических стран-сателлитов; развитие военной промышленности, включая атомную бомбу и космос; техническое перевооружение с использованием конфискованной германской индустрии). Где-то до середины семидесятых СССР оставался притягательным маяком для бедноты всех континентов за счет очевидных успехов в экономике, технологии, образовании и искусстве, демонстрировавшихся примерно до середины шестидесятых годов. Затем случилось неизбежное. Недостатки государственного социализма, как он был сформирован в России, а именно:

- Полное отсутствие мотивации к техническому прогрессу,
- Негибкость производственных и управленческих структур,
- Неэффективность системы планирования,
- Система контроля и продвижения, основанная на лояльности, а не эффективности,
- Вымывание сельского населения,
- Практически безнаказанная круговая порука как «наверху», так и «внизу»,

– всё это дало себя знать. Возможно, что фактор специально организованного существенного понижения цены нефти, которым так гордится американская политика, тоже сыграл свою роль, но далеко не решающую. Дело было в полном коллапсе социально-экономических связей в стране. Это как рак – экспоненциальный рост работающей на себя бюрократической системы управления, незаметный поначалу, а в конце перекрывающий все ресурсы нормально работающим клеткам. В 1990 я проводил анализ данных о социально-экономическом состоянии районов Московской области в 1979 и 1989 гг. и был очень впечатлен тем, что все естественные связи между социально-экономическими подсистемами, бывшие в наличии в 1979, оказались полностью разрушенными в 1989. Производственная система СССР безнадежно отстала от системы Европы и США, создавших за 70-80е новые энергосберегающие производства, фабричное сельское хозяйство, электронно-вычислительную технику новых поколений в то время, как наши постепенно утрачивали любые производственные навыки, массово производя бракованную продукцию и всё более «подсаживаясь» на иглу всеобъемлющего импорта, обеспечиваемого обильными нефтедолларами. Гигант на

глиняных ногах рухнул, наступило время опять менять кожу. СССР исчез с карты мира, а с ним и пол-России⁴.

До того у европейцев знание о русских было чисто теоретическим, я бы сказал - литературным. Не будем забывать, что какие-то из произведений Толстого/ Достоевского/ Чехова входят в большинство школьных программ в США и Европе, а англоязычный Набоков – настоящий классик американской литературы. До середины семидесятых выезд русских за границу был чрезвычайной редкостью, да и впоследствии поток выезжающих из СССР был невероятно жидким, даже и с учетом еврейской эмиграции. Сейчас знакомство Европы и США с русскими идёт по трем каналам:

- Приобретающие недвижимость очень богатые русские,
- Отдыхающий на курортах или в путешествиях «средний класс»,
- Научные сотрудники и профессура.

Отдыхающий русский вызывает неприятие плохими манерами – шумными попойками, скандалами и невоспитанностью. Слой богатых владельцев мало известен, но вызывает у населения большие подозрения с точки зрения легальности своих доходов, постоянно подкрепляемые международными экспозициями «грязного белья» и «скелетов в шкафу» типа лондонского судилища, устроенного российскими миллиардерами Березовским и Абрамовичем несколько лет назад. Российские научные сотрудники и преподаватели вузов пользуются заслуженной популярностью во всех странах Европы. Дело в том, что это – передовой отряд русской интеллигенции, уже доказавший свою работоспособность либо наличием хороших международных публикаций, либо получением нормального европейского образования, предполагающего необходимым значительный объем чисто технической работы и, соответственно, хорошую подготовку к ведению всех аспектов работы исследователя или преподавателя вуза. Конечно, и здесь особенности воспитания сказываются (хорошо известен гуляющий по сети материал «16 черт поведения, выделяющих русских»: например, неодолимая жажда рассказать внезапно вспомнившийся анекдот даже и посреди самого делового совещания), но особого озлобления не вызывают, так как перекрываются такими положительными чертами как открытость и готовность помочь. Нельзя не упомянуть, что русские женщины признаны общественным мнением в качестве лидеров женского обаяния.

В современных литературных произведениях европейских писателей русские выглядят тоже вполне пристойно, соединяя этакий флёр таинственности и криминала с романтичностью и одухотворённостью (см., например, популярный в первые годы нового века роман У. Гибсона «Распознавание образов» или относительно недавний роман Дж. Ле Карре «Предатель как мы»). Вместе с тем, обычные ожидания русских, попавших в Европу, превзойти европейцев своей повышенной духовностью или чувством локтя, оказываются на удивление нереалистичными. Особенно впечатляет неумение русских, проживающих, скажем, в каком-либо большом европейском городе самоорганизоваться в некое единое культурное сообщество. Все ждут, пока не появится кто-то, кто возьмёт на себя организаторские функции.

Дело усугубляется абсолютным непониманием на Западе пружин, скрепляющих россиян. Они, как, впрочем, и многие россияне, ошибочно полагают, что такими пружинами являются правительственная пропаганда и усилия тайной полиции. Поэтому они упрощенно делят

---

⁴ Я не против, пусть наслаждаются свободой; но как советский человек не могу не отметить, что никто и никак за это не был наказан, даже устного выговора не получил, а ведь как сильно, и как жестоко, наказывали на протяжении предшествующих десятков лет любого заподозренного в желании отдать хоть пядь нашей земли! И сколько же сил и как много народу вложили в ту охранительную систему!

русских на «начальство» – нечестное и ворующее – и «народ», хороший, но излишне доверяющий своему руководству.

Вот что пишет известный английский историк профессор Джеффри Хоскинг в своем эссе «История России: очень короткое введение» (2012): «В романе Томаса Манна «Волшебная гора», представляющем собой некую панораму Европейской цивилизации перед Первой мировой войной, имеется и значительное количество русских персонажей. Они сидят за двумя отдельными столами, стол хороших русских и стол плохих русских. Наше понимание России и сейчас не очень далеко ушло от этой простой модели. За одним столом мы видим Толстого, Чайковского, Репина и Сахарова. За другим – почти всех царей, Сталина и, в настоящее время, частенько Путина. Ощущение такое, что мы не можем не вносить в наше отношение к России сильную моральную и эмоциональную компоненту, положительную или отрицательную. Нельзя отрицать, что эта страна - часть Европы, но она слишком большая, слишком близкая и слишком непохожая, чтобы ее можно было как-то удобно вписать в привычный порядок вещей.

На самом деле хорошая Россия и плохая Россия нераздельно связаны труднейшей задачей построения единой общественной системы на открытых просторах северо-евразийской равнины и защиты ее от всевозможных пришельцев, включая более развитые страны, лежащие к западу от ее границ. Из всех великих империй эры порохового оружия в Евразии, Россия оказалась наиболее долговечной. Это замечательно успешное предприятие, правда, со своими недостатками, заложенными в его программу. В ее основе лежит тесный союз между правителем, элитами и сообществами простых людей, постоянно возобновляемый после периодов неудач и кризисов и в то же время никогда не являющийся полным, постоянно готовый взорваться.» (Geoffrey Hosking, Russian History: A Very Short Introduction, Oxford University Press, UK, 2012, xv-xvi, перевод мой).

Ниже приведена таблица различий между американцем и русским из материалов, представленных на интернете Дуэйном Гёхнером, менеджером компьютерных технологий, который провел пять лет в 90-е в Москве, участвуя в образовательных проектах, изучил русский язык и явно симпатизирует России (перевод мой).

	США	Россия
Власть	Идет от народа вверх	Центральная, идет вниз
Изменения	Снизу, от индивидов	Навязываются сверху
Права	Уважаются и защищаются	Подчинены общественному
Различия в точках зрения	Плюрализм, взаимоуважение	Единогласие, единственность правды
Экономика	Частный открытый рынок	Управляется правительством
Культурные корни	Западная Европа	Евразия
Военное дело	Войны преимущественно за рубежом, практически без разрушений	Постоянная жестокость, войны, разрушения, голод

Меня очень удивило и обрадовало, что даже в таком небольшом материале Дуэйну удалось отметить «единственность истины» - я перевел как «единственность правды», поскольку в английском языке соответствующего слова, кажется, не существует.

Дуэйн Гёхнер называет много характерных черт россиян, связанных с их подчинением сообществу (он говорит – «коммуналити»), выводя их, как это делают и другие, из общинного устройства сельского уклада в старину и холодного климата. Приведу одну цитату из его материала, которая не совсем вписывается в стандартный хор: «Русские поддерживают свою цельность, исходя из их внутреннего убеждения о том, каким должен быть человек, с такой открытой честностью и цельностью, которую практически невозможно встретить больше нигде в мире⁵. Больше всего они ценят, когда человек отдает всего себя полностью и верит, независимо от того, о чём конкретно идет речь.»

Тезисы:

- **Мы недооцениваем мирового значения русского искусства.**
- **«Они» упрощенно делят русских на начальство – нечестное и ворующее – и народ, хороший, но излишне доверяющий своему руководству.**
- **Большинство американцев представляет себе русских как brutальных и малоотесанных типов.**

1.4. Русские глазами исследователей

Выше уже отмечалось, что проблемы анализа сходства и различия между народами практически полностью исчезли из международной публицистики. Они не входят в круг «политически корректных». Господствующая догма подразумевает, что все люди должны рассматриваться как представители человечества, отличающиеся друг от друга только индивидуальными характеристиками, не связанными ни с какими большими сообществами⁶. Поэтому все мои ссылки на науку относятся либо к исследованиям не новым, либо к, так сказать, научным диссидентам.

Вот, что пишут научные работники о терпеливости русского народа.

И.Шафаревич: «"Русское терпение" не сводится просто к пассивности, оно сплетается с жертвой, вообще, - это более глубокое явление. Недавно появилось исследование, в котором рассматривается это явление - русское терпение: книга К. Касьяновой "О русском национальном характере". При помощи тестов, привлекая литературу и фольклор, автор стремится выделить основные национальные черты русских. Она приходит к выводу: "Терпение - это, безусловно, наша этническая черта и в каком-то смысле основа нашего характера". Из 30 тысяч пословиц, входящих в сборник Даля "Пословицы русского народа", больше всего как положительное качество оценивают "спасение" (часто под этим понимают монашескую жизнь). Но уже на втором месте стоит терпение, причем они иногда соединяются: "Без терпенья нет спасенья". Или терпение поддерживается божественным авторитетом: "Бог терпел и нам велел".

Терпение автор понимает как фундаментальную жизненную установку, при которой во взаимодействии человека с окружающей его средой - обществом и природой - центр тяжести переносится не на преобразование среды, а на сотрудничество с ней.

---

⁵ «Очарованный странник» из одноименной повести Н.С. Лескова, сумевший пронести свое «я» через все сногшибательные перемены фортуны, представляется архетипическим примером такого поведения.

⁶ Специалист может указать, что это совсем не так, что так называемые «cross-cultural studies» процветают, что несколько научных журналов целиком посвящены этим штудиям. Однако эти исследования не связаны с изучением сходства и различия культур как таковых. Изучается влияние культуры, скажем, на психологию, или на менеджмент, или способы обучения и пр..

С этой точки зрения терпение - это стратегия неагрессивного взаимодействия с миром, решения жизненных проблем не за счет насилия над миром и потребления его ресурсов, а в основном за счет внутренних, духовных усилий.... Именно идеология, противоположная "терпению", - "фаустовский дух", а точнее - взгляд на мир как на бездушный материал для деятельности человека, сформулированный в призыве к "покорению природы", - создала тот экологический кризис, который сейчас угрожает существованию человечества и всего живого на земле. Есть и другой источник "русского терпения". Вся история русского народа переплетена с созданием большого, многонационального государства. Характер русского народа и способствовал этому процессу, и складывался под его влиянием. В результате русские - народ государственный. Они с трудом идут на конфликт, который может потрясти государство.»

Для К. Касьяновой (В.Ф. Чесноковой) терпение – это часть еще большего айсберга.

«...Разглядеть за всеми этими "защитными" и прочими механизмами очень древний принцип существования общества и культуры. Таких принципов весьма немного, а точнее, всего два: либо изменения и приспособления к себе окружающей среды, либо сохранения ее и приспособления себя к ней.

Первый принцип максимизируется в настоящее время в западноевропейской и производных от нее культурах: там человек - борец, созидатель, преобразователь - окружен благоговейным почтением, и эти его качества превращены в ценность, в эталон. И мы воспринимаем эти эталоны на рефлекторном уровне. А на уровне "социальных архетипов" реализуем, по-видимому, второй принцип. И нельзя сказать, что мы реализуем его совсем уж бессознательно. Мы прекрасно знаем в себе это глобальное качество, и другие знают его в нас, и называется оно *терпение*. ...

... Терпение и страдание - способ формирования личности, выработки сильного духом "ненападающего" деятеля. В этом своем качестве они признаются всем христианством вообще, во всех его разновидностях, в том числе и нашей культурой, прочно усвоившей христианство. Но для нашей культуры - это только один слой, довольно поздний по времени. А если заглянуть *под* него, то можно нащупать и более древний слой, в котором терпение и самоограничение являются не только способом завоевания свободы духа, но имеют и более глобальное значение - принципа существования, поддержания гармонии и равновесия в мире.»

К. Касьянова, по-моему, слегка увлекается, предлагая распространить свои наблюдения над людьми, оказавшимися в застойном уголке советской общественной науки – а именно таков материал ее анкетирования - на весь русский народ, приписывая ему психологический тип «эпилептоида»:

«Он инерционен, не склонен к изменениям, любит привычные ситуации, но *не потому, что боится нового* или в принципе не способен к нему приспособиться. Он только не хочет, потому что ему трудно фиксировать внимание сразу на многом. Но если нужно (и когда это имеет смысл), он вполне способен вводить и даже "внедрять" новое и сам может изобретать. И здесь, мне кажется, можно усмотреть корень отличия ригидности от ритуализма. Ригидность - это страх перед изменением, неумение к нему приспособиться. Ритуализм сам по себе такого страха не предполагает. ... Мы - ритуалисты не ригидные. Мы - ритуалисты по выбору, мы умеем манипулировать своими ритуалами, перемещая их из одной сферы в другую или вообще отказываясь от них на время, а потом вновь возвращаясь к ним. Это показывает, что ритуалы для нас - не внешнее ограничение, наложенное культурой на индивида, а инструмент, средство, своеобразный способ упорядочения (а следовательно, подчинения себе) мира. Ритуализм наш ... есть именно не что иное, как *наведение порядка* в себе и вокруг себя, поскольку "порядок", как объясняется в словаре, есть "любая система отношений, в которой можно переходить от одной точки к другой только в соответствии с

определенными правилами или в определенных направлениях, которые нельзя нарушать». Такие твердые правила перехода от одних действий к другим, от одних моделей к другим выполняют очень важную задачу: они облегчают переключение от одних структур деятельности к другим, а от тех - к третьим или обратно к первым, ибо как раз способность к быстрому переключению - одно из наиболее слабых мест в личности эпилептоида. Он склонен "копаться" и "застревать" на отдельных деталях. Порядок действий в ритуале не позволяет ему этого делать. И при этом, поскольку переход от одного действия к другому в ритуале привычен и совершается автоматически, отпадает необходимость мобилизации психики для переключения. Каковая мобилизация происходит в эпилептоиде медленно: он должен сначала освоиться с мыслью о переключении, потом подумать, все ли он завершил на данном этапе (эта его основательность доставляет ему много лишних хлопот), сделать какие-то подготовительные операции - только после всего этого он "созрел" для переключения на другую структуру деятельности. В ритуальном порядке всего этого просто не нужно. Ритуал "думает" и решает за эпилептоида.»

Из этих размышлений К. Касьянова выводит многие знакомые черты российского обывателя, включая, например, пьянство. «В этом, мне кажется, основная трагедия нашего этнического пьянства. Человек пьет, потому что чувствует неудовлетворенность от серой, бессмысленной текучки, от этой суеты, которая не может быть настоящей жизнью, он как бы отбрасывает ее от себя, хочет выйти вон, стать над нею - и для этого напивается, раскрепощается, дает волю эмоциям. Эмоции бушуют, но они бушуют в пустоте. Опыненное сознание заполнено призраками, искаженными образами, иллюзиями, иногда - мрачными и тяжелыми, иногда - безудержно оптимистическими и восторженными, но всегда - ложными. И по поводу этих иллюзий он переживает фальшивые катарсисы. Проспавшись и вернувшись к своим будням, он ощущает . . . возросшую неудовлетворенность и продолжающуюся пустоту. И он ... опять прибегает к вину, считая, что в предыдущий раз просто не хватило времени, не те были обстоятельства и т. д.» Вполне реалистичное описание, но при чем тут ритуализм?

Несколько слов о жертвенности и страдании от себя.

Повидимому, утверждение о страдании как необходимом элементе существования, согласно русской традиции, сформулировано правильно. Нормальное европейское сознание уверено, что страдание – обратная сторона счастья, поэтому надо избегать его любой ценой. Вот, скажем, пленный американец – ему по уставу не только разрешается, но и даже как бы полагается рассказывать во время допроса все, что он знает. Не то у русских – надо молчать. Ничего не говорить вообще, в идеале, как бы ни пытали. И дело здесь не только в определенной «упертости» русского сознания. Я думаю, в русском мире страдание не является чем-то нетерпимым. Напротив, человек должен страдать. Без этого он лишается какого-то важного человеческого измерения. Ведь вот и бог страдал, и дал образец человеку. Возможно, и привычка лезть на рожон является не только выражением «линейности» и «целостности» русского сознания (см. далее, раздел 2.6.Б), но и подсознательным выражением идеи – ну что ж, и попадусь, и пострадаю, да что ж в этом плохого-то?

В.В. Бибихин (1938 – 2004): «Мы уже давно знаем и теперь твердо можем только сказать, что настоящего, жесткого спора о власти земля в нашей стране никогда не начнет. Власть, та сторона, которая будет всегда считать вопрос о власти безусловно первым и важнейшим, сумеет взять и удержать позиции сравнительно легко. Другая сторона, вопрос о власти первостепенным не считающая, не будет вооружаться, останется открытой, позволит желающим взять власть: если вам так хочется, берите ее. Власть у нас прекрасно знает и открыто говорит об этом обстоятельстве. ...

Наше отношение части к целому с давних пор правило нашей жизнью. Что личная судьба выше общей или ценнее её, нам этого никогда никто всерьез и с умом не говорил, чаще напоминали противоположное и стыдили за эгоизм. Что в нашу последнюю конституцию чья-то расписавшаяся рука занесла приоритет интересов личности над интересами государства, показывает только меру лукавства законодателей. Настоящий, неписанный закон у нас другой, и когда перед малым чиновником сейчас в разгар демократии еще трепетнее чем раньше стоит тихая очередь и, как раньше, кто-то один обязательно, взбунтовавшись усомнится, что так должно продолжаться, то голос вольнодумца скоро сорвется на нервный крик, а победит снова задумчивое терпение. Здесь в очереди перед чиновником совершается общественное деяние; мир, худо или бедно, сплавивается, ощущает себя. Что было бы без этой послушности вышестоящим. Наш способ победы на войне, наш способ больших строек — жертва масс. Частное должно служить общему.... Жертва у нас в крови. Мы все знаем и привыкли, что наше руководство не ставит в кризисных условиях главной целью сохранение жизни жителя. Оно поставит и эту цель тоже, но после других.

Такой порядок вещей не зависит от начальства. Отказ людей от себя не начальством и не при нас выдуман. Когда Петр Первый вел новый и новый народ на болота для непосильного труда, так что в конце концов обезлюдели деревни по всей России, все чувствовали, что народ пойдет в каком-то смысле из-под палки, но по-настоящему нет. Народ принял вызов не его, Петра, и даже не Швеции, до которой тому народу было дела мало, а вызов трудности, крайнего напряжения, края, смертного начала. За словом «Сталин» в последней войне стоял тот же исторический вызов предельного усилия. И снова не власть его продиктовала, сама вынужденная делать уступки в идеологии народу, армии и церкви.

«Нет, мы этого не можем, а вот за то возьмемся» — сословия, земство, общество в России редко говорили так власти. Что мир, собравшись, на что-то окажется неспособен, это у нас едва ли когда было слышно. Знали: силы хватят, потому что должно хватить. «Любой ценой». От этого, или для этого, дерзкая смелость и авось с вечным риском для жизни, не от неразумия, а от решимости: размеряй, не размеряй силы — отступать некуда, объявить задачу непосильной мы не имеем права. Вражда с правительством, недоверие ему возникали чаще когда правительство не ставило народу сверхзадач. Не очень важно, насколько незнание народом того, какая тяжесть ему могла бы оказаться не по плечу, вредно; важнее отсутствие того соображения, что если всем миром взяться, то и тогда надо будет рассчитывать, не надорвемся ли. Исторические народы имеют дело с напряжением, где полсилы не котируются. Готовность к поднятию предельных тяжестей здесь всегда раньше расчета.»

Мне кажется, хорошо оттенит пафос напоминание об истории, которая полвека назад изумила весь мир. Послесталинский руководитель СССР Н.С.Хрущев, выступая в Нью-Йорке с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, чтобы привлечь внимание председательствующего, застучал по трибуне (иногда говорят — по столу) своей собственной туфлей. Мало кто знает, что это было произвольно. Дело в том, что эта туфля страшно жала, и наш руководитель вытащил из нее ногу, чтобы отдохнуть от боли. Ну, а заслышав громкие протесты и придя в ярость, даже не обратил внимания на то, что оказалось в его руке. Ведь казалось бы — всемогущий диктатор большой страны, получив неудобные туфли, мог бы попросить другие, и ему бы доставили «сей минут», любой ценой. Но он, понимая, что слишком большая может пойти волна, решил перетерпеть. Вероятно, бывали и другие случаи, и не раз, когда российское стремление перетерпеть оборачивалось нецивилизованностью и «немотивированной жестокостью»⁷.

Однажды мне попала книга: Dean Peabody (1985) *National characteristics*, Cambridge University Press, Cambridge, ISBN 0 521 30449 0, 255 p. (Дин Пибоди, Национальные характеристики, 1985). В этой

---

⁷ Я был очень удивлен на днях, когда сунулся в интернет за более точным описанием, что данное событие сейчас — отрицается всеми русскими политиками, как говорится, на голубом глазу. Вот чудеса-то! А я хорошо помню, как мы радовались тогда — здорово, мол, Никита Сергеевич срезал этих буржуев!

книге имеется раздел, посвященный описанию русских на основе социологического исследования недавних эмигрантов в США, представителей нескольких наций, проведенного в 1958 г. Инкелесом и др. (стр. 148 – 161).

Инкелес и др. выделяют четыре наиболее типичных черты русских:

1. Нужда в принадлежности, интенсивных персональных контактах и удовлетворение от теплых взаимоотношений с другими. Они ценят людей не за то, что они делают, а за то, какие они. В противоположность американцам, отсутствие интереса к автономии и поощрению; подобно американцам – отсутствие интереса к доминированию или манипулированию другими. Наиболее важен для них конфликт между доверием и недоверием (а для американцев – между автономией и включенностью, интимностью и изоляцией). Поэтому отличаются от американцев тем, что испытывают чувства стыда или вины по поводу аморального или межличностного поведения, а не по поводу того, что не достигли результата. В отличие от американцев, они предпочитают пассивность и пессимизм, а не активность и оптимизм. Дружба – существенный источник самостояния, причем от друга ожидается полная поддержка, особенно в конфликтных ситуациях. Очень сильный контраст между личными и публичными отношениями (как и у итальянцев).
2. Приверженность группе. «Самонедостаточность», т.е. нужда в принадлежности теплоте и дружескому кругу; пассивность и ожидание указаний; строгая идентификация с группой, хотя и при независимом поведении; отсутствие самоконтроля. Зависимость от власти и/или группы, хотя и без того, чтобы особо повиноваться. От власти ожидается теплота и забота, а не следование правилам и процедурам, как в США. Двойственное сочетание анархической независимости и подчинения центральной власти.
3. Противоречивость, по мнению Дикса (1952), наиболее впечатляющая черта личности русского, т.е. привычка к тому, чтобы обнажать внутренние конфликты вовне, нежели подавлять их.
4. Высокая степень эмоциональных проявлений. Основные инстинкты (секс, агрессия, зависимость) свободно допускаются, а не подавляются (как в США). Механизмы индивидуального самоконтроля и защиты слабые – ждут помощи от группы или власти.

В книге А.В. Лукин, П.В. Лукин (2015) Умом Россию понимать, изд. «Весь Мир», в гл. 4, стр. 277-282, описано социологическое исследование установок советских людей сталинского периода, оказавшихся после войны на Западе по тем или иным причинам (очевидно, речь идет все о том же Инкелесе и др.⁸). Их общественный идеал сформулирован авторами исследования следующим образом:

«Патерналистское государство с чрезвычайно широкими полномочиями, которое решительно их осуществляет, направляя и контролируя судьбу страны, но которое в то же время благожелательно служит интересам гражданина, уважает его личное достоинство и оставляет ему значительную свободу желаний и чувство защищенности от произвольных вмешательств и наказания».

Лукины заключают (стр. 284):

«Таким образом, в «классическом» СССР до прихода к власти М.С. Горбачева в рамках советской политической культуры сложился определенный устойчивый идеал власти, имеющий следующие основные черты:

---

⁸ Inkeles A., Bauer R. The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1959.

1. Сильное государство с большим объемом полномочий в политической и экономической областях во главе с сильным лидером.
2. Основная цель государственной власти — повышение уровня жизни населения.
3. Сохранение государственной собственности в сфере транспорта и связи, в основных промышленных секторах: оборонной и тяжелой промышленности, металлургии и т.п.
4. Частная собственность в торговле, легкой промышленности, сельском хозяйстве.
5. Сохранение государственных систем здравоохранения, образования, соцобеспечения, но при значительном повышении эффективности их работы.
6. Предоставление или расширение определенных гражданских прав и свобод: свободы передвижения, выбора рода деятельности и владения собственностью.
7. Прекращение идеологического вмешательства в частную жизнь граждан при сохранении определенного государственного либо иного контроля над нормами общественной нравственности.
8. Мирная внешняя политика, исключающая возможность возникновения войн и конфликтов с участием СССР (России).
9. Сохранение СССР (России) как великой державы, оказывающей значительное позитивное влияние на мировую политику.»

Сходные характеристики выделяются в книге А.В. Сергеевой (2012) Русские, изд. 3, Флинта/Наука, Москва. Наш выдающийся социолог академик Т. И. Заславская в книге «Современное российское общество. Социальный механизм трансформации» (Дело, 2004) формулирует следующие семь черт русского национального характера, стр. 58-62 (источник не указан — по-видимому, результат собственных размышлений), которые существенно пересекаются со сказанным выше, в то же время отражая и черты, связанные с социалистическим периодом:

1. Сакральное восприятие власти и государства. Предпочтение сильного государства, готовность терпеть его суровые методы управления⁹.
2. Анархические склонности, понимание свободы как воли, как вседозволенности, без связи с ответственностью.
3. Низкая цена человеческой жизни и личности, неуважение к достоинству личности. Предпочтение общих, коллективных интересов.
4. Неуважение к законам и правовой нигилизм. Уверенность, что законность — это формализм, препятствующий справедливости.
5. Сдержанное отношение к частной собственности и богатству. Больше ценятся справедливость, равенство, взаимопомощь.
6. Отсутствие интереса к персональному росту — к образованию, профессионализму, карьере, успеху. Низкий престиж предпринимчивости и предпринимательства. Распространённость нерационального поведения, фатализм и склонность к бессмысленному риску.
7. Низкая ценность труда, нелюбовь к систематической работе. Склонность к чередованию периодов интенсивного труда и длительного безделья. Низкая трудовая дисциплина.

В списке Заславской бросаются в глаза пункты 6 и 7: Если в списке В.Н. Ильина отсутствовали черты инновационного поведения, то эти пункты напрямую говорят об анти-инновационности.

Тезисы:

- **Русское терпение не сводится к пассивности, оно сплетается с жертвой.**
- **Их политическая жизнь основана на единодушном согласии и допускает только единодушные решения (соборность).**

---

⁹ Некоторые выражаются проще и грубее: «народ хочет плетки».

- Они ценят людей не за то, что они делают, а за то, какие они.

2. Особенности русской личности и русского общества в свете идеи правды

2.1. Правда – специфически русское понятие

В этом разделе излагаются мои собственные выводы об определяющих характеристиках русского – а в более широком плане и российского – человека. Рассматриваемые далее характеристики существенно пересекаются с вышесказанным. В принципе я мог бы обсудить все перечисленные выше черты в свете высказываемых идей, но не делаю этого, чтобы не раздувать объем. Те, кто согласятся с основной идеей, легко могут связать любую из этих черт со сказанным и либо подтвердить, либо уточнить, либо, по крайней мере, прокомментировать.

Помните нашумевший фильм 90х, «Брат», во второй серии которого незабываемый герой Сергея Бодрова убежденно объясняет антагонисту, американскому бизнес-жулику: «Вот скажи мне, американец, в чём сила? Разве в деньгах? ... Я вот думаю, что сила в правде. У кого правда - тот и сильнее. Вот ты обманул кого-то, денег нажил, и чего, ты сильнее стал? Нет - не стал! Потому что правды за тобой нет! А тот, кого обманул, за ним правда. Значит, он сильнее. Да?!» (Американец поспешно соглашается. Он хорошо понимает аргумент, помогающий по сюжету правде и ее праведной борьбе – взведённый курок пистолета в руке Брата.)

Правда – это не только истина. Для русского человека это такая истина, которая согласуется с моральной правотой. Понятие, характеризующее отношение не только к миру реальному, но и к миру нравственному. Этим понятие «правда» отличается от более реалистичного понятия «истина», в котором нет места субъективным нравственным ценностям: истина безлична и опирается на факты, а не убеждения¹⁰. Многие отмечают, что использование понятия правды наряду с понятием истины не характерно для основных европейских народов. Англичане имеют понятие «truth», немцы - «Wahrheit», французы - «verite», соответствующие понятию «истина». Для «правды» в этих языках специального слова нет. В русском слове «правда» соединяются два значения — «правда как объективная истина и правда как внутренний закон, справедливость» (Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001. с. 447). На самом деле правда и справедливость выражаются на личностном уровне через совесть: «Собственно, по-русски "жить по справедливости" означает "жить по правде" или "жить по совести"» (Бенедиктов Н.А. Русские святыни, М., 1998). Это смыкается с подчёркиванием понятия «совесть» как доминанты русского характера в выше цитированном отрывке из защитника русской цивилизации В.Н. Ильина.

Тезис:

- Правда – это такая истина, которая одновременно справедлива.

2.2. Нечёткость границы между делом и словом

Отказ от чётко выраженной границы между некоторыми аспектами мира вещественного и мира ментального, явленный нам в значении слова «правда», характерен не только для русских. Достаточно вспомнить платоновские «эйдосы» - идеи, предваряющие объекты реального мира, или евангельское «вначале было слово, и слово было у Бога, и слово было

¹⁰ Конечно, философия науки различает много оттенков истины, но я здесь говорю исключительно об «истине» разговорного языка.

Бог». Но в современной Европе, пожалуй, только для русских характерно проникновение подобной телеологичности в самые повседневные понятия. Не только «правда». Рассмотрим русские понятия, выраженные сопряжёнными парами глагол-существительное «решить/ решение» и «определить/ определение». Англичанин, как и другие европейцы, ясно разделяет два действия, каждое с соответствующим ему результатом: (1) “decide/decision” и (2) “solve/solution”. В первом случае речь идёт о принятии решения как чисто волевым акте, во втором – об отыскании решения проблемы, поставленной или возникшей перед решателем извне. В русском языке эти два значения слиты в едином понятии «решить/ решение». Когда в СССР центральная газета «Правда» заклинала «Решения партии – в жизнь!», она хорошо использовала эту двойственность – решения партии были не более чем планами, а чаще – извещениями о намерении («Создадим материальные предпосылки коммунизма к 80 году!» – так, например, было написано в программе КПСС 1961 г.). В сознании населения эти решения-намерения впечатывались как действительные решения проблем. Аналогичную роль играет понятие «определить», означающее одновременно и английское “define” – дать название, и английское “determine” – найти значение с помощью вычисления или другого ментального процесса. Конечно, любой нормальный россиянин легко различает эти два процесса. Но на уровне российского социума между ними большой разницы нет. Иначе – зачем бы надо было использовать одно и то же слово для таких разных действий? Но люди уверены, что хорошее определение (название) – главная часть действительного решения проблемы. Как гласит известное шуточное изречение: «Что нам стоит дом построить? Нарисуем – будем жить».

В этом плане можно понять тех, кто рассматривает всю историю Советского Союза, историю 70-летнего правления компартии, как кампанию «по заговариванию зубов», царство слов и песен, в котором слова и дела могли сколь угодно сильно перемешиваться и расходиться. Конечно, такая точка зрения – скорее гротескное преувеличение, чем реалистичная модель, но склонность россиянина смешивать реальные и ментальные процессы создаёт тот самый фон, на котором подобные мнения могут казаться убедительными.

Некоторые считают, что отсутствие чёткого разграничения мира вещественного и мира ментального – свидетельство определённой незрелости, «детскости», российского восприятия действительности. Возможно. Вместе с тем, уместно сравнение с современными представлениями физической науки. Как хорошо известно, переход от классической физики к квантовым представлениям в связи с результатами экспериментов со световыми лучами привёл учёных к пониманию, что субъект играет куда более серьёзную роль в научном познании, чем представлялось. В частности, в определённых экспериментах с прохождением светового луча через микроотверстия экспериментатор будет видеть разные результаты в зависимости от того, рассматривает ли он свет как движение частиц или распространение волн. А последние новости с переднего края физической науки вообще предполагают уже нечто совсем антинаучное – якобы вся наша вселенная с ее физическими законами и константами – такая уникальная структура, которая одна могла породить белковую жизнь, включая человечество.

Тезисы:

- **Правда – далеко не единственное понятие русской речи с двойственной структурой смыслов, и объективной, и субъективной одновременно: см., например, «решение» и «определение».**
- **Это не обязательно свидетельствует о незрелости народа: современная физика все чаще приходит к подобным конструкциям.**

2.3. Единственность правды

То, что использование понятия правды характерно для русских, отмечалось многими авторами. Однако это не всё. Ещё более специфической особенностью русского менталитета в целом является уверенность, что в основе каждого явления или процесса лежит та единственная правда, которая, возможно, скрыта многочисленными покровами и завесами, но до неё можно докопаться и дойти. Узнать, как говорится, «подноготную»¹¹ правду. Ведь правда идёт от Бога, а Бог - один. Недаром русские, как сообщает «Повесть временных лет» - древнейший источник по истории восточных славян, не просто приняли православие, но выбрали его в процессе анализа основных монотеистических религий X века, включая ислам, католицизм и иудаизм. Одной из доктрин, существенно отличающей эту ветвь христианства от других является то, что ипостаси Троицы – Бог-отец, Бог-сын и Бог-дух святой – в православии не являются равноправными. Первый является старшим – главным, в отличие, скажем, от католичества, которое принимает, что все три сущности равноправны. То, что сказал старший – будь то Бог-отец или просто отец семейства или даже вождь народа – это и есть правда. Если же три ипостаси равноправны и каждая судит по-своему, то в этом правды нет и быть не может. Католичество неприемлемо не только потому, что оно чужое, но по самой своей сути!

Тут можно поймать меня на слове – откуда известно, что русские действительно уверены в единственности правды? Кто-нибудь их спрашивал? Думаю, что нет, не спрашивал, хотя и стоило бы. Более того, часто можно услышать, что «правд много, а истина одна». Действительно, все понимают, что у каждой группы – участников какого-нибудь конфликта, например, – своя правда, своё толкование причин и следствий, и свое сознание своей правоты. Да, так. Вместе с тем, существует понимание, что над всеми этими местными правдами есть та единственная правда, доступная, может быть, только богу, которая-то и является первоосновой.

Конечно, отдельные индивиды могут такого мнения не придерживаться; например, не все же русские являются православными верующими. Речь идёт о мнении народа как целостности, том самом, о котором говорит А.С. Пушкин в трагедии «Борис Годунов», вкладывая в уста мятежника слова:

«Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением, да! Мнением народным».

Я не один, кто отмечает подобную черту русского сознания. Посмотрите, что говорят оба Ильина в цитированных текстах. Или наш американский друг Дуэйн Гёхнер в своей таблице. Ещё более последовательное выражение этого единства можно найти в таком, например, пассаже: «Культурологи утверждают, что русские авангардисты были самыми последовательными и радикальными революционерами. При этом именно им удалось довести до логического завершения одну из центральных идей русской культуры, выражавшейся в страстных поисках простоты единства. Ту самую идею, которую называют источником русского тоталитарного сознания» (см. А. Беляков, <http://beliakov.net/Malevich.htm>) .

---

¹¹ Для сведения – слово «подноготный» относится к уровню серьезности пытки в старину— запусканию игл или гвоздей под ногти допрашиваемого.

Далее я рассмотрю основные черты русского поведения и покажу, что эти черты вполне согласуются и, более того, могут быть выведены из постулата единственности правды чисто логически. В таком рассуждении нет ничего необычного. Подобный подход характерен для современной науки, по крайней мере со времен закона тяготения И. Ньютона. Этот закон говорит о силе, которая не наблюдаема, — силе тяготения между двумя телами, связывая её с массами тел и расстоянием между ними, чего никак нельзя проверить непосредственно — не существует никаких приборов, чтобы силу тяготения измерить. Однако принятие справедливости закона тяготения позволяет чисто математически вывести многие наблюдаемые закономерности, включая, прежде всего, три закона Кеплера о движении планет вокруг Солнца — жемчужину современной науки.

Таким образом, идея правды как основополагающей идеи русской цивилизации — не только не нова, но и скорее — общее место. Я просто иду чуть дальше — уж если правда, то подноготная! Правда, та единственная, что является настоящей — в отличие всех неточных, неправильных, лишь рядящихся в нее. Ну никак не укладываются «две правды» в русскую идею! Даже когда говорят о «двух правдах», то всегда в контексте скорее саркастическом, имея в виду, что да, одна из этих «правд» — настоящая, а вторая — так, типа, эгоистичное желание мелкой душонки. Иногда обе обсуждаемые «правды» не верны, обе мелковаты; но две одинаково истинные правды — точно невозможны. Чего раньше никто, по-видимому, не делал — не пытался применить логику и посмотреть, каким видит мир человек единственной правды¹².

Тезис:

- **Русский считает, что под каждым явлением есть единственная объясняющая его правда.**

2.4. Идеальная структура российского общества

Какой должна быть структура взаимоотношений в сообществе людей, убеждённых — конечно, не все, но в массе, — в единственности правды? Очень простой. Можно усомниться, что одна идея, какой бы удачной ни была, может предопределять не что-нибудь, а организацию общественных отношений. Ну не чушь ли? Но давайте взглянемся попристальнее.

Каждый член сообщества понимает про себя — я слаб, я греховен, я мало что знаю — как же я могу знать правду? Никак не могу. Должно быть кто-то, кто силен духом, кто сам или с Божьей помощью может проникать в природу вещей — пророк или что-то в этом роде, пусть он говорит правду. А как его распознать? Как отличить пророка истинного от лже-пророчествующих? А если в данный момент в данном месте пророка вообще не случилось?

Нет никаких данных о том, что пророческий дар широко разлит среди россиян. Скорее наоборот. Полно указаний прямо противоположных. Я могу назвать, пожалуй, только одного кандидата в пророки за всю историю московского государства — монаха Сергия Радонежского, который, как сообщают источники, благословил московского князя Дмитрия Донского на бой с золотоордынским узурпатором Мамаем¹³.

---

¹² Мне тоже это в голову не приходило, пока я не ознакомился с подобным подходом при анализе структуры и содержания Библии в книге: J. Goldstein (2007) *Peoples of an Almighty God*, Yale University Press.

¹³ Момент был для Мамаея неудачный — его союзники, князья рязанский и литовский, с подмогой не спешили — по-видимому, присматривались; а у московского князя хватило мужества и таланта одолеть в битве на

Как же быть? Как узнать правду, когда общепризнанного пророка нет и в скором времени не ожидается? Русская мысль склоняется к идее соборности, первоначально сформулированной для обозначения религиозного единения, а в последнее время все чаще переносимой и на всё общество. По Н. Бердяеву – «Есть круговая соборная ответственность всех людей за всех, каждого за весь мир, все люди – братья по несчастью, все люди участвовали в первородном грехе, и каждый может спастись лишь вместе с миром» («Философия свободы. Смысл творчества»). Ему вторит митрополит Иоанн (Снычев): «...соборность – это сознание духовной общности народа, корнящейся в общем служении, общем долге. Смысл этой общности в служении вечной правде, той Истине, которая возгласила о Себе словами Евангелия: "Я есмь путь, и истина, и жизнь" (Иоанн 14. 6)».

Коммунистическая партия семьдесят лет морочила головы себе и людям, что якобы поняла закон развития человечества, и подняла народ на строительство коммунизма, чем-то похожее на соборность, хотя и без религиозного компонента – зачем религия, когда правда – правда коммунизма – и так известна – да и выдохлась. Не выдержала соревнования с капитализмом, который вместо слов обеспечивал народы действительным прогрессом и связанным с ним комфортом. Нет смысла искать внешнего врага, нет смысла искать предателей и шпионов – советская власть не выдержала вовсе не потому, что «жена Горбачева была американской шпионкой», о чем на чистейшем русском языке и без тени сомнения сообщил мне однажды бывший сотрудник словацкой внешней разведки, а потому что не могла обеспечить технического и социального прогресса, а без них не то что рай на земле, но и простое выживание народу не обеспечить; так, один застой. Удивляет, какое большое количество людей верит в идею «заговора». Наиболее точно, по-моему, их мнение выражено в словах, обращенных к России (стихи А.В. Мингалева к всенародному маршу «Прощание славянки»):

«Высоко ты главу поднимала,
Словно солнце, твой лик воссиял.
Но ты жертвою подлости стала
Тех, кто предал тебя и продал.»

Мне нечего сказать этим людям. Они предпочитают жить в мире сказки. В этом мире действуют сказочные злодеи и драконы, тайные общества, которые устраивают русским людям – иногда, людям вообще – всякие гадости. Эти люди не могут и не хотят посмотреть на мир, как он есть. Им приятнее тот мир, где всемогущие злодеи, где с них самих нет никакого спроса. Они всегда ни при чем – это всё злобные карлики...

Народу, исходящему из идеи правды, нет иного выбора, кроме как довериться центральной власти: уж она-то должна знать правду, хотя бы потому, что у нее одной есть возможность собрать всю информацию. А уж мы ей поможем – всё что знаем, выложим, да и то, что чувствуем или подозреваем – пожалуйста, лишь бы только помочь ей, а через нее – всему народу – в поисках правды. Тут нет места англо-американским понятиям о праве личности и границах государственного вмешательства в частную жизнь. Тут, понимаешь, общенародное дело – правду ищем; алкаем, можно сказать.

Куликовом поле (1380 г.) Однако, в целом православная церковь не сумела удержать высокий моральный статус и в российском государстве, как известно, играла роль подсобную.

При сколь-нибудь значительной массе населения и/или занимаемой территории центральная власть не может управлять одна. Ей нужны представители на местах.

Тезис:

- **Народу, исходящему из идеи единственной правды, приходится довериться центральной власти как ее носителю.**

2.5. Структура российского общества в исторической перспективе

Таким образом, для носителя идеи единой правды идеальная структура общества трёхзвенна – центральная власть, представители власти на местах и население. К сожалению, эта структура проста только на бумаге. Реальность сложнее. Едва освободившись от татаро-монгольской зависимости, молодое московское государство оказалось связанным многочисленными группами наследовавших сословий местной власти со своими понятиями о правах и обязанностях. Эти понятия во многом противоречили идее нового центра, поэтому центральная власть ввела так называемую поместную систему, выдавая землю – вместе с обрабатывающими её крестьянами – во временное владение людям, ей служащим. Такая система – на бумаге – идеально реализует представления царя и народа о жаловании за службу. К сожалению, не подумали о том, как быть, когда служба заканчивается. Конечно, наилучший исход для служивого – когда поместье остаётся в его распоряжении и после отставки, что и происходило, правда, с нагрузкой – необходимостью службы детей, а потом и их детей. Эта отягчающая необходимость иногда ослаблялась, иногда усиливалась, но в целом, конечно, выдыхалась помаленьку, пока, наконец, Екатерина II не оформила сложившуюся ситуацию в манифесте о «вольности дворянства», упраздняющем связь между поместьем и службой (1785). Определённую роль в этом решении сыграло наличие избытка земель для раздачи, образовавшегося у казны в результате завоеваний, на что и ссылается императрица в своём Манифесте. Так внешняя экспансия использовалась для балансирования державообразующей триады «трон-феодалы-народ».

Такая иерархическая структура очень подходит для освоения территории, занимаемой Россией. Вероятно, и сама освоенная территория в том виде, как есть – без широкой автономизации – требует подобной структуры. Я думаю, что освоение малонаселенных Сибири и Дальнего Востока русскими явилось следствием двух вещей:

(а) завоевания Средней и Нижней Волги царем Иваном Грозным в середине 16го века. Судя по всему, он не хотел ограничиваться востоком, а хотел завоевать всех своих слабых соседей, но на Западе не получилось. На Западе за слабых (Ливония и пр.) заступились сильные и существенно обкарнали русскую территорию. Потребовалось около ста пятидесяти лет усилий, чтоб отвоевать утерянное в результате авантур этого правителя. В Сибири же заступиться за небольшие ханства и другие полугосударственные образования оказалось некому;

(б) унаследованной с древних времен системы учёта населения по «дыму/дому». Именно дом в 15-17 веках был единицей и налогообложения, и армейского рекрутирования. Такая система способствовала укрупнению семей (с одной-то семьи ведь возьмут вдвое меньше, чем с двух!), в которых молодёжь, да и другие не очень связанные индивиды оказались в значительной степени не учтёнными. Маргинальные члены такой семьи уходили, пополняя всевозможные полу- и не-легальные формирования, начиная от казачества Дона и других «межграницных» рек и кончая мелкими бандами. Эти-то группы и развили необычайную активность по освоению необъятных территорий Сибири и Дальнего Востока, а затем и тихоокеанских берегов Америки. За какое-нибудь столетие восточные земли были

в основном освоены; имена простолюдинов Ермака Тимофеевича, Ерофея Хабарова, Семёна Дежнёва и др. остались на карте как память об этом движении. Я специально останавливаюсь на этом моменте – как примере чисто народного деяния, противоречащем популярным утверждениям, приписывающим русским пассивность и отсутствие предпринимательского духа. Сибирь и Дальний Восток достались государству в результате самостоятельности населения.¹⁴ Рискну даже утверждать – вопреки мнению тех, кто выводит черты русскости из свойств необъятной равнины, на которой раскинулась Россия, что, напротив, это именно свойства русской цивилизации, которые позволили именно русским, из всего множества когда-либо обитавших здесь народов – включая японцев и китайцев, успешно освоить эту территорию. Думаю, что и вышецитированный английский исследователь России Джеффри Хоскинг склоняется к этому мнению.

Эта удобная для населения, да и для страны, система учёта была разрушена Петром Первым в начале 18го века. Получив от шведов по зубам (1701), он понял, что надеяться на успех в борьбе с ними за выход к морю через давно утраченные берега Балтики, можно, только если перестроить экономику и военное дело на современный лад, а для этого нужны деньги, много денег; и много металла – значительно больше, чем может дать начатая было кампания по переплавке монастырских колоколов. Еще меньше надежд оказалось на выход в Черное море, крепко охранявшееся турецкой Портой. Пришлось менять систему учёта так, чтобы резко усилить приток денег в казну, а рекрутов – в армию. Пётр Первый сделал единицей налогообложения и военного рекрутирования любое лицо мужского пола, хотя бы и новорожденного, что в разы увеличило сбор налогов и пополнение армии. И пришлось создавать металлургию и связанные с ней производства, не так, как в Европе, где промышленность развивалась по-медленному, прежде всего, в связи с развитием общества, а в связи с военными нуждами государства, по-быстрому. Сталин не был первым, кто пытался обогнать Европу, не догоняя, и причиняя в процессе существенный урон населению.

Другим следствием наследственно-поместной системы являлась необходимость постоянного притока новых земель для раздачи, что и проводилось более или менее последовательно путём завоеваний. Завоеваниям сопутствовала основательная милитаризация быта и экономики. Не всегда военное счастье было на стороне русских – не раз российское государство сталкивалось с превосходящими силами. Это заставляло россиян грудью становиться на защиту отечества, пока что относительно успешно – будь то польско-литовское нашествие в 17м веке, шведская кампания в 18м веке, борьба с Наполеоном в 19м веке и, наконец, преодоление нацистского нашествия в 20м веке. К середине 18го века петровские реформы дали результат – русская армия смогла на равных сражаться с европейскими армиями. В последующие десятилетия Россия сумела выдавить Турцию из Новороссии, Молдавии и Крыма; продвинуться на Кавказ, потеснив Персию и Турцию; в союзе с Пруссией и Австро-Венгрией разобраться с Польшей; а также вытеснить скандинавских соседей из Прибалтики и даже оттяпать у них Финляндию (1809). Эти присоединения вышли самодержавию боком. Именно население западных окраин – кавказцы, поляки, евреи, латыши и пр. – породило тот горючий материал, который сыграл решающую роль в подъёме большевизма, а также захвате и удержании им власти в гражданской войне 1917-1920 гг.

---

¹⁴ Напомню один из более поздних эпизодов этого движения. Капитан Г.И. Невельской, в нарушение приказа, обследовал и описал остров Сахалин, а также основал поселение в устье Амура (1849-50), за что и должен был понести примерное наказание. Только личное вмешательство царя Николая Первого превратило наказание в награждение.

Управление огромной территорией – серьёзная проблема, особенно при слабом развитии транспортной и информационных сетей. Главное следствие – вынужденная автономизация. Маркиз Де Кюстин, которого так не любят русские за его эмоциональную критику пресловутых российских рабских наклонностей и деспотизма, вынужден заключить: «По идее все правила здесь так непреложны, что кажется, будто при таком строе и жить-то невозможно; а в действительности имеется так много исключений, что говоришь себе — при такой путанице противоречивых обычаев и привычек совершенно невозможно управлять государством», см. «Путешествие по России в 1839 г., письмо тридцать четвертое».

Обратим внимание, что промышленность, искусство, наука, религия в таком обществе не играют никакой самостоятельной роли, привлекаясь только в случае крайней нужды; ясно какой – военной. Это означает – отсутствие эндогенного технического прогресса, не вызванного военными нуждами. Другое следствие – отчуждение населения и интеллигенции от управления и, как следствие, коррумпированность власти. Страна ходит по кругу: см. Приложение. Эта статичность хорошо выражена поэтом в знаменитых стихах о России:

«Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней
А ты всё та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...» (А. Блок)

Итак, мы видим, как идеал единой правды приводит к трехчленной иерархии с центральным руководством, назначаемыми им местными руководителями и населением, как идеальной структуре общества.

Современные понятия либерализма, демократии, тоталитаризма и пр. в значительной степени определяются англоязычной наукой и практикой, в той или иной мере вобравшей достижения итальянских, французских, немецких и др. европейских мыслителей.

Согласно этим представлениям, в обществе должно быть несколько относительно независимых центров власти, из которых главные – три: законодательная власть (парламент), исполнительная власть (президент или совет министров), и судебная власть. В Великобритании к этому добавляется еще один центр власти – монархия и феодальная структура наследственных собственников земли, обеспечивающая долгосрочную компоненту общества. Главный субъект истории и политики – народ, который выбирает и то, и другое, и третье, с учетом исторически складывающихся антикоррупционных механизмов и противовесов.

С этих позиций идеал российской государственности - это ещё одна тоталитарная система. Какие там наследственные собственники, когда земля общая. В каком смысле независимая судебная власть? Она, что, сможет прийти к своей собственной истине? А вдруг эта истина будет не соответствовать правде, представляемой народом и государством? Она нам будет говорить: давайте судить по закону, а не по понятиям. Долой, не допустим! Независимые центры власти могут приходить к различающимся, подчас очень сильно, мнениям по поводу того или иного вопроса. Это входит в безусловное противоречие с основополагающей идеей единой правды. Понятно, что как бы близко едино-праведная Россия ни пыталась включиться в европейские структуры, она всегда будет оставаться чужой, а значит – роль мальчика для битья ей обеспечена до тех пор, пока Европа не станет толерантной к тем, кто отличается.

Тезисы:

- **Идеальная с точки зрения единой правды структура общества трёхзвенна – центральная власть, представители власти на местах и население.**
- **Российское государство, выросшее в 16 веке из Московского княжества,**

создало класс помещиков в качестве своих представителей.

- Сибирь и Дальний Восток были освоены народом благодаря системе налогообложения и рекрутирования с дома, существовавшей до реформ Петра 1.
- Единая правда и соборность приводят к отсутствию инновационной системы и статичности общества.
- Единая правда и соборность противоречат европейским концепциям разделения властей, индивидуальных прав и законности.

2.6. Особенности поведения россиянина

Исходя из сказанного, можно сформулировать основные поведенческие черты россиянина. Конечно, индивидуальные психологические различия между отдельными индивидами при этом могут быть сколь угодно различающимися. Мои заключения касаются не физиологического сходства или различия, обуславливаемых генами, а характеристик поведения, принятых, считающихся нормальными в данном обществе. В какой-то мере это можно отнести к «генетике общества» – то, что передается из поколения в поколение через семью, среду и обычаи. При этом мне придется использовать не совсем привычную терминологию – ну что поделать. Так бывает. Более общие представления требуют более общих характеристик. Заранее прошу психологов быть снисходительными к моему непрофессионализму. Я честно пытался найти в международной научной литературе по психологии сколь-нибудь законченную разработку тем и понятий, созвучных рассматриваемым далее – не нашёл.

Всего у меня получились четыре более или менее различимые общие характеристики, каждая из которых представляет собой набор поведенческих черт и характеристик, которые далее будут развернуты более подробно. Мой список:

- А. Самонедостаточность.
- Б. Некомпартиментализованность личности.
- В. Ориентация на настоящее время.
- Г. Нечеткость границы между объективным и субъективным.

Формулировки не совсем традиционны. Ими не пользуются ни ненавистники, ни защитники, ни апологеты России. Не пользуется ими и академическая психологическая наука. Ничего не поделаешь – не всегда удается спрятаться за фасад, построенный другими. В какой-то мере эти формулировки следуют тем, что использованы выше. Частично они отражают мои многолетние изучения и размышления по поводу явлений жизни и их причин в свете пушкинского стиха, так поразившего меня в раннем детстве: «Там русский дух! Там Русью пахнет.» Рассмотрим их по очереди.

А. Самонедостаточность.

Самонедостаточность россиянина вытекает из невозможности обычному человеку быть носителем правды. В чем она выражается?

Прежде всего, в том, что выше было процитировано как «сакральное восприятие власти государства» - понятно почему, как единственного возможного носителя правды.

Выражается, в первую очередь, в подчинении собственных интересов государственным и общественным. Что, впрочем, не исключает индивидуальной независимости, недисциплинированности и даже нелояльности в «спокойные времена» - как говорит

классический персонаж Грибоедовской комедии – «служить бы рад, прислуживаться тошно». Это-то подчинение и принимается за «рабские наклонности» поверхностным наблюдателем.

Вероятно, сюда же нужно подверстать и отношение к земле как общей собственности, которая ну никак не может принадлежать целиком отдельному индивиду. Недаром говорят, что из всех славян выражение «мать сыра земля» встречается только у русских («мать» уж точно неделима). Уже упоминавшийся выбор православия как религии с иерархично организованной Троицей не может считаться случайностью. Недаром, в отличие от католиков, для православных именно пасха, а не рождество, - главный праздник года – ведь пасха знаменует принесение Христом себя в жертву – за всех, тогда как рождество праздник исключительно индивидуальный.

При необходимости – жертвенное поведение. Терпение, т.е. преодоление путем пассивного ожидания или даже неучастия. Это неучастие – а что зависит от маленького винтика? – имеет определенные неприятные и иногда даже трагические обертоны: от нежелания спускать воду в общественном туалете (отсутствие самоконтроля) через хрущевскую туфлю до отказа от участия в общественных демонстрациях, и даже до нежелания поучаствовать в определении собственной судьбы. Эта привычка не протестовать пока жизнь не очень давит; ждать, что все, что можно, будет и так доставлено начальством – в основе молчаливого согласия с общей правительственной политикой. Судя по всему, наше руководство имеет хорошо отлаженную службу оценки социальных ожиданий и немедленно идет на уступки, когда чувствует, что уровень протеста превышает определенный порог, не очень-то и высокий, как кажется. В последние годы так бывает очень редко из-за нежелания народа участвовать в не очень понятной активности неизвестно кому наруку. Но так бывало, например, когда пенсионеры запротестовали против (неподготовленной) системы монетизации льгот, или когда средний класс вышел с протестом против диких методов совершенно распоясавшейся полиции где-то в зиму 2011-12 года¹⁵ или когда в Москве молодые люди стали по-деловому протестовать на избирательных участках против безобразий с учетом голосов, творимых – кто бы мог подумать – учителями средних школ, основными членами и руководителями участковых комиссий.

Иной аспект самонедостаточности индивида – приверженность группе. Это, прежде всего, нужда в принадлежности к теплоте и дружескому кругу. Эта нужда – выше, чем нужда в самоутверждении путем, скажем, успешной научной работы или налаживания личного бизнеса. Несколько упрощая, можно сказать, что для русского – хорошая компания (группа, с которой идентифицируешься) важнее, чем успешный результат. Низкий престиж ячества, т.е. самоутверждения, а значит, и предпринимательства – в смысле зарабатывания прибыли. Трудом праведным не наживешь палат каменных – эта пословица не только итог наблюдений, но и поведенческий совет.

Человек у нас как бы не имеет значения вне коллектива. Поэтому возникают сюжеты, когда отдельных людей буквально растаптывают, и никому до этого нет дела – потому что коллектив «всегда прав».

Б. Относительная нерасчлененность - или некомпартмелизованность - личности

---

¹⁵ К сожалению, плоды этого протеста похитила банда Удальцова с бессмысленными лозунгами типа «Оккупай Абай» и «Убрать Путина, тогда наступит счастье!» - хороший пример того, как протестный успех могут перенять абсолютные отморозки – очень наглядно для понимания того, как в ноябре 1917го, уже после состоявшихся выборов в Учредительное Собрание, могли к власти прийти большевики.

Личность – довольно сложное понятие. Достаточно упомянуть, что в психологии пока не сложилось единообразного представления о личности. Пальцев обеих рук не хватит, чтобы обрисовать различные, зачастую абсолютно никак не связанные теории личности, из которых, конечно, наиболее на слуху теория З. Фрейда с ее тремя подсознательными отделениями «Оно – Я – Сверх-Я». Впрочем, она-то и наиболее подозрительна с точки зрения академической науки, поскольку использует слишком много ненаблюдаемых понятий. Теория Фрейда является основой отдельного направления – психоанализа, не включаемого в науку психологии, Я упоминаю об этом потому, что использую фрейдистское понятие – «компартиментализация личности», которое, впрочем, всё чаще используется и академической наукой.

В первом приближении личность – это некоторая постоянная ментальная структура, определяющая способы реакции человека на различные воздействия. Я могу судить об этой стороне россиянина постольку, поскольку справедливо положение, согласно которому *превалирующая структура личности индивида соответствует структуре общества, в котором он существует*. Я принадлежу к тем, кто считает, что это так. Конечно, речь идет о некоем типе личности, который в какой-то мере предназначен в «победители»; отдельные люди могут сколь угодно сильно отклоняться от этого паттерна.

В этом плане развитые общества Европы, среди которых мне пришлось пожить – американцы, французы, немцы, англичане, как, впрочем, и русские – обнаруживают определенное разнообразие форм психологической защиты личности от стресса, причиняемого давлением государственных, коммерческих, административных и общественных структур; долговременные семейные обязанности и ограничения тоже вносят свой вклад. Дело в том, что разные структуры предъявляют разные требования к индивиду. Вспомним, как в Советском Союзе морально вознаграждался «исторический оптимизм», что, мол, не беда, что этому молодому человеку некуда привести невесту (живет в комнате на 10 человек в общежитии), зато он все равно счастлив, потому что строит коммунизм. Если никакой надежды получить свое жилище нет, эта проблема прячется подальше, в компартмент (т.е. отделенное непроницаемыми перегородками место души), если человек может себя заставить не думать об этом. Но такое редко бывало – человек шел к начальству, в партком, профком и обычно его включали в очередь на жилье или предоставляли иную возможность – нечего было компартментализовать. Зато людям проблемным, неуживчивым или не совсем здоровым было что компартментализовать, иными словами, отгораживать. В рассказах замечательной писательницы Л. Петрушевской эти люди очень хорошо показаны, с их неожиданно проявляющимися фобиями и претензиями. В норме в СССР компартментализация затрагивала небольшое, если так можно выразиться, пространство. Не так на Западе.

Компартиментализация, т.е. разделение личности в соответствии с аспектами жизни, – вещь довольно распространенная. До своих путешествий я воспринимал подобный феномен как свидетельство недостаточного умственного развития, т.е. вещь скорее генетически предопределенную. Вспомним героев-партийцев, переустроителей жизни из запрещенных советской властью романов Андрея Платонова, который описывает этих людей как умственно неполноценных именно потому, что их сознание расчленено на несвязанные фрагменты. На Западе же речь идет не о генетической предрасположенности, а о воспитании в соответствии с условиями жизни, которые невозможно поменять подавляющему большинству населения. Насколько я могу судить, личность западного человека часто довольно сильно компартментализована – разделена непроходимыми перегородками на части – здесь религия, там карьера, здесь семья, а здесь дружба. Это порождает ситуации, которые нам в России даже трудно представить, когда, скажем, один другого подставит на

работе, а потом идут вместе пить пиво: одно дело – бизнес, другое – личные связи. При деловой рекомендации там часто используется характеристика личности, которая называется «интегри́ти». Из ответов на мои вопросы я понял так, что речь идет о способности человека эти свои фрагменты объединить и действовать так, чтобы все компартменты были согласованы. Думаю, это не совпадает ни с целостностью, ни цельностью. Как я понимаю, у российского человека такая компартментализация на уровне личности в зачаточном состоянии (хотя конечно, на физиологическом уровне такого рода внутриличностных конфликтов сколько угодно – такие свойства как трусливость, невыносимость и пр. тоже могут вступать в конфликт с различными желаниями). В этом смысле мы все целостны. Уже если мы дружим, то и на работе, и дома; друг друга не выдадим, пусть даже в ущерб производительности или эффективности или семейным отношениям – западному человеку такое трудно понять! Недаром в романтический период строительства социализма все ошибки было свойственно объяснять как сознательное вредительство.

Когда я первый раз работал с англичанином, в Организации Экономического Сотрудничества и Развития в Париже в начале девяностых, он при прощании отметил как крупный недостаток то, что на моем лице отражаются все мои чувства. Я тогда так удивился, что не нашелся, что сказать, тем более что и высказаться по-английски не сумел бы. Теперь бы я ответил ему, что в России так принято – считается невежливым не выражать эмоций сопереживания. Если человек не выражает чувств – он волк, он чужой. Конечно, в этом наша сила – слабый человек всегда найдет поддержку среди своих. Но в каком-то смысле и слабость. Изменение отношения к одной черте человека вызывает изменение ко всем; если не понравилось что-то, то не нравится всё. Оборачивается же это не критическим неприятием – а иногда и не критическим приятием – всего направления, что, в общем, сужает круг тем и методов.

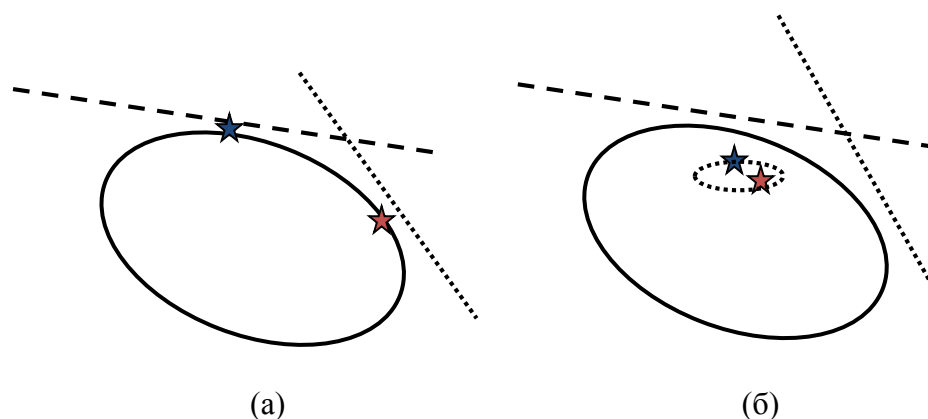

Рис. 1. Роль компартмента: при изменении цели (от штриховой к пунктирной линии) действие (звездочка) не сильно меняется (часть (б)), особенно по сравнению с изменением при отсутствии компартмента (часть (а)).

Геометрически это можно проиллюстрировать следующим образом (см. Рис. 1). Изобразим личность в виде овала, а желательную цель – отрезком прямой вовне. Овал слева некомпартментализован – в нем нет никаких отгороженных мест, тогда как в овале справа показан один компартмент, изображенный маленьким пунктирным овалом. Примем, что действие личности, вызываемое целью, выражается точкой, которая находится как можно ближе к прямой, изображающей цель¹⁶. Исходная цель отображена на Рис. 1 штриховой линией, а измененная – пунктиром. Исходное действие отображено на Рис. 1 серой звездой, а измененное в резуль-

¹⁶ Люди, знакомые с математической теорией оптимизации, увидят в этой иллюстрации «целевую функцию» (прямая) и ограниченное множество возможностей (весь овал на Рис. 1 (а) или его малая часть, на Рис. 1 (б)), а в звездочке – оптимальную при данных ограничениях возможность.

тате изменения цели – красной звездой. При этом небольшое изменение цели, выраженное изменением наклона прямой, вызовет значительное изменение действия у некомпартментализованной личности, как показывает рисунок (а). Напротив, если действие сидит в компартментализованной части личности (см. рисунок (б)), оно практически не меняется при том же изменении цели.

Эта схема хорошо иллюстрирует какие-то черты наших соотечественников, так удивляющие Запад:

- любовь к крайним проявлениям;
- непоследовательность, а иногда даже и противоречивость;
- черно-белая картина мира, при которой нет места средним состояниям.

В. Жизнь в настоящем – атмосфера неопределённости

Существует мнение, что психологические проявления человека в значительной степени определяются тем, как он воспринимает время. Для одних людей психологически значимым является прошлое, для других – будущее, а для третьих – настоящее. Люди, живущие своим прошлым, довольно несчастны – они все время переживают, что когда-то где-то неудачно поступили, или сказали, или сделали, а исправить нельзя: поезд уже ушел! Люди, живущие в будущем, в основном счастливы; их очень трудно сломить: что бы ни происходило с ними в настоящем, они знают – в будущем им удастся учесть все ошибки и переломить судьбу. Еще более счастливы люди, живущие настоящим. Для них как бы не существует ни прошлого, ни будущего. Точнее, будущее для них, конечно, существует, но не как предмет планирования. «Давайте ввяжемся, а там посмотрим», говорят они. Такие люди охотно участвуют в всевозможных предприятиях и забавах.

Мне нравится эта идея. Во-первых, своей универсальностью. Во-вторых, тем, что не связывает особенности поведения с врожденными – неизменяемыми – чертами. Индивид может поменять свой способ восприятия времени, если захочет.

Очевидно, что с учетом произвола и деспотизма центральной власти, в России жить настоящим значительно более приятно, чем будущим¹⁷. Русский охотно живет в атмосфере неопределенности. Конечно, неопределенность накладывает некоторые ограничения и предъявляет требования к способам выживания. Например, русский язык плывет во времени в сторону все большей неопределенности. Сначала, еще в дописменные времена, отбросили артикли. Потом убрали разницу между условным реалистичным наклонением (помните, «если бы, да кабы ...»), которое может воплотиться, если приложить усилия, и условным нереалистичным, которое уже ну никак. У французов на каждое глагольное наклонение про этот мир есть точно такое же «имажинер», про мир воображения, который никогда не наступит. Англичане, реалисты, это все тоже выкинули, оставили только условное-в-совершенном («если бы ты не проспал, ты бы не опоздал на поезд» - это можно сказать как некий факт, в неопределенном прошедшем времени, а можно и в невоплотимом совершенном прошлом – именно так вежливые англичане делают упреки; к сожалению, русская грамматика подобного не поддерживает, приходится возмещать интонацией).

Вторая половина 20го века ознаменовалась искоренением активного залога из устной и письменной речи россиянина. Использование пассивного залога (разница между «мы не сумели выполнить план» и «план оказался невыполненным» - за первое надо наказывать, за

---

¹⁷ А.В. Сергеева в своей книге «Русские», 2012, стр. 184-187, трактует подобные вопросы по другому.

второе – погладить по головке) в речи россиянина – идеальный способ внесения неопределенности, в данном случае, чтобы избежать ответственности.

Пребывание в настоящем – ниша, где русская спонтанность дает фундаментальные преимущества. Неопределенность и неважность будущего освобождают от необходимости планирования¹⁸. Зачем планировать, если завтра может неожиданно прийти приказ «ему на Запад, а ей – в другую сторону» или наоборот, это ей на Запад, а ему в другую сторону? Зато становятся так важны скорость реакции, выносливость, способность не растеряться в суматохе, смекалка и многое другое, чем русские гордятся, и совершенно справедливо.

Жизнь в настоящем и низкая ценность планирования предопределяют, мне кажется, и определенную долю поведения, связанную с фатализмом. Не то, что бы мы считаем, что будущее предопределено – конечно, нет. Но то, что от наших усилий не так уж много зависит, в это мы склонны верить самым решительным образом – что, конечно, определяется нашей привязанностью к поведению общества и группы.

Г. Нечеткость границы между объективным и субъективным

Нежелание четко разграничивать объективный, неподвластный человеку, мир от субъективного, определяемого человеком, хотя бы в принципе, лежит в основе русского сознания. Это ясно не только из особого статуса понятия правды, но, например, и из того, что и мир объективный (вселенная), и мир субъективный (общество), обозначаются одним и тем же словом – мир. И неважно, что когда-то на письме эти слова различались в зависимости от того, какое «и» ставилось в них, осьмеричное или десятиричное. Ведь это слово существовало еще до появления письменности.

Эта черта, я думаю, имеет важное значение для поведения. Относится ли сюда привычка игнорировать распоряжения начальства, письменные или устные, я не знаю. Скорее, эта привычка – следствие излишней частоты и непродуманности начальственных указаний. Конечно свой вклад даёт и отмеченное Л. Толстым в послесловии к «Войне и миру» несоответствие – в больших событиях реальность всегда мало соотносится с предварительными планами – а ведь именно из них обычно исходят начальственные предписания. И столь характерное для нас различие между двумя планами событий, так сказать, краткосрочным и долгосрочным, т.е. повседневной жизнью семьи и движением истории на уровне правительственных решений. А как трактовать отмечаемое многими историками, да и постоянно встречающееся в частной жизни, своеволие местных правителей и начальников? Вспоминается такая особенность из истории Великой Отечественной войны, описанная высокопоставленным немецким генералом. Немцы хорошо умели дешифровать приказы, отдаваемые армейским частям Советской Армии. Если скажем, они знали, что такой-то части отдан приказ атаковать в такое-то время такой-то участок, то этот участок соответственно укреплялся, чтобы встретить наших всеоружии. Но русские редко исполняли такие приказы в точности. Например, атакующую часть срочно перебрасывают в район атаки, и вдруг заминка в движении поездов – что-то там не сложилось на какой-то промежуточной станции. То ли крушение, то ли что-то еще более срочное надо перевезти. И

---

¹⁸ Рассказывают, что после посещения Советского Союза в начале 70х известный американский экономист, выходец из России, Василий Леонтьев выступил с докладом перед Американским Экономическим Обществом, в котором он, в частности, сказал: «Да, русские действительно планируют. Не спрашивайте, как они это делают. Ведь если вам скажут, что лошадь заговорила, вам же не придет в голову узнавать, на каком языке она говорит.»

вот командир, оглядывая окрестности и сверяясь с картой, говорит начальнику штаба: Давай двинем вон на ту высотку и атакуем оттуда, и не утром, а в ночь прямо сейчас. В случае успеха как раз во-время выйдем на указанный рубеж. И вот такое, с кондачка, решение зачастую приносило успех больший, чем по приказу – еще бы, немцы-то на данном участке ничего неприятного не ожидают.

А как трактовать нежелание признавать очевидные, но неудобные, факты? Самый известный и показательный – сражение при Бородино, где в сентябре 1812 г. русская армия преградила Наполеону путь на Москву. После сражения армия Наполеона проследовала к цели и заняла Москву, т.е. французы одержали победу. Спросите любого россиянина, и вам скажут, нет, это русские одержали победу, а потом вообще дошли до Парижа. По опыту знаю: с пеной у рта будут отстаивать свое мнение. В крайнем случае согласятся на ничью. Да что там любой русский! М.И.Кутузов, главнокомандующий русской армии, всегда утверждал, что это было не поражение, а победа русской армии¹⁹.

А Шемякин суд, демонстрируемый, совершенно всерьез, вопреки всем обстоятельствам дела, и в наше время? Когда судят по понятиям блага государства (читай – высшего начальства), а не по закону?

Тезисы:

Основные поведенческие черты россиянина:

- **Так называемое «сакральное восприятие власти государства» - ясно, почему: как единственного возможного носителя правды.**
- **Относительно слабая степень компартиментализации.**
- **Предпочтение ситуаций неопределенности.**
- **Нечеткость границы между объективным и субъективным.**
- **Шемякин суд вместо независимости суда.**

3. «Кто виноват» и «Что делать»

Ситуация современной России в исторической перспективе весьма необычна. До 1917 г. в России правил легитимный режим царизма, представленный династиями Рюриковичей и Романовых. Затем пришли большевики, которые, как они утверждали, поняли объективные законы общественного развития, т.е. поняли, в чем правда, что, как я понимаю, легитимизировало установленную ими власть в общественном сознании.

Таким образом, Россия была легитимно авторитарно-централизованной державой все пять веков своей истории с 16го по 20й. А что сейчас? С одной стороны, объявлена демократия. С другой стороны, полное нежелание народа в ней участвовать. Мол, хватит, наелись в девяностые! Точнее, демократии в смысле Запада - с приматом прав личности, с резким уменьшением функций государства, с резким увеличением свобод – хочет передовая часть интеллигенции, порядка 5% населения, не больше. Остальным милее трёхчленная структура во главе с национальным лидером. Потому-то избирательная компания пока что практически целиком находится в руках правителей; это они выбирают, а не народ. И выбирают - только «своих». Опять централизация, и я бы сказал – тирания де-факто. Мы не успели вступить в период свободы – время Ельцина таковым не было, да и быть не могло, так, переходный период. То есть не успели набрать у Запада достаточного количества технического знания и умения. Наша промышленность хромает на все четыре ноги, наше народное хозяйство полупарализовано, а мы уже на всех парах – к точке замерзания. Огромные бреши в нашей обороне: Прибалтика, Грузия, а после Крым-Наш, и Украина – ревностные адепты НАТО.

---

¹⁹ Он ссылаясь на то, что после битвы французы отошли на свои позиции – утверждение, мягко говоря, неточное.

Тот небольшой процент населения, которому не нравится автократия, пытается воспрепятствовать по-западному, протестами и демонстрациями. Такие формы протеста привлекают ничтожное количество людей и поэтому легко подавляются правителями – когда и как они того хотят. В результате в стране практически отсутствует свобода протеста. Зато присутствуют все элементы тоталитаризма, включая неправый суд, работающий скорее «на минус» парламент, коррумпированное чиновничество и пр., хотя на словах, да и в душе, как кажется, многие наши правители хотели бы настоящей демократии, да не знают, как ее построить. Тем более, что огромное количество более мелких чиновников совершенно лишены подобных желаний, предпочитая ловить рыбку в мутной воде. Поэтому не может развиваться и так называемая свободная экономика, банки лишены возможности самостоятельного инвестирования, и пр. Работают – как всегда не очень валко, – только структуры, обслуживающие государство. Я включаю сюда, конечно, и энергетику. Добыча и продажа огромных количеств нефти и газа позволяют режиму – до поры, до времени – не спешить с проведением структурных реформ, без чего успешное освоение новейших технологий невозможно.

Рупоры либеральной идеологии не могут освободиться от извечной идеи, что-де правительство использует средства массовой информации, телевидение, для того, чтобы успешно обманывать и оболванивать народ, добиваясь того, чтобы народ его поддерживал. Увы, эта идея в свете сказанного неверна. Верно обратное – это народное мнение заставляет правительство вести себя в соответствии с его чаяниями. А если так, то и тактику либералов следовало бы подкорректировать.

Здесь и сейчас Россия мало-помалу переходит все мыслимые грани международного поведения. Сначала захватили Крым, с этим Европа бы, кажется, примирилась. Все-таки база единственного полноценного флота России. Потом мы послали бойцов в две области Украины, и там началось кровопролитное противостояние. А дальше – больше, кто-то подбил пассажирский самолёт, и Россия пальцем не шевельнула, чтобы помочь выяснить, в чем дело. А сейчас вообще какую-то утку запустили в ответ на голландское разбирательство: если так точно нашли других виновников, почему целый год молчали? Начальство идёт на поводу народа и оставляет Россию один-на-один с Западом. С одной стороны, наша логика нам ясна – протестуем против придвижения НАТО к нашим границам. «Иль нам с Европой спорить ново? Иль русский от побед отвык?» - риторически вопрошал еще Пушкин почти 200 лет назад. Но тогда Европа была разьединена и ничего не могла поделать с российским гигантом. Сейчас ситуация противоположна. На стороне Европы – американский гигант, которому нет никакого дела до тонкостей нашего национального восприятия. Ему нужна однозначность и предсказуемость поведения в глобальном мире. Так же, как русский ориентирован на выживание в неопределённом мире, так американец абсолютно не переносит неопределённости. Он готов вынести любые тяготы, но ему нужен чётко сформулированный ожидаемый результат. Россия – «плохой русский» пока она не дает возможностей положительной предсказуемости.

Многолетнюю борьбу с Западом на выживание мы не потянем. Постепенно будем все больше отставать в развитии технологий, что неминуемо скажется на качестве военной техники. А обращение за помощью к Китаю сулит неведомые риски – некоторые утверждают, что очень даже определённые и неминуемые – которые лучше бы в данной ситуации не испытывать.

Еще одно замечание – о действии западных санкций против российских чиновников и управляемых ими структур. Приходится слышать, что сверхцель этих санкций – сформировать общественное мнение против этих чиновников и в результате поднять народ против них. В свете сказанного, я думаю, эффект будет противоположный. Народ еще больше сплотится вокруг руководства, будет относиться к нему еще менее критически и еще больше будет подозревать Запад в желании оккупировать Россию и навязать свои порядки.

Я хотел было далее проанализировать основные обвинения, предъявляемые «клеветниками России» к русскому народу, такие как «рабство в крови» и «пьянство», но выяснилось, что никакого сколь-нибудь общепринятого списка не существует. Поэтому, кажется, такая полемика в данном тексте не нужна. Неосновательность упреков в рабстве давно вскрыта на исторических примерах. Я думаю, подобные обвинения основаны на непонимании идеальной трехчленной структуры российского

общества, заложенной в основу картины мира россиянина, так что и обсуждать нечего. О пьянстве хорошо написала К. Касьянова, см. выше – этот недуг скорее социальный, чем индивидуальный. Думаю, что и другие упреки либо отражены в предыдущем тексте, либо основаны на недоразумении. Единственный упрек, заслуживающий отдельного комментария – упрек россиян в зависти к более успешным соседям. Зависть – грех неприятный, конечно, что и говорить. Тем не менее, в число смертных грехов христианства она не включается. Не будем забывать, что зависть сопутствует чувству справедливости и частично объясняется им – не всегда их легко и разделить. Это желание равенства в бедности, под предлогом справедливости, в какой-то мере способствует эффекту, на который обратил внимание М. Малый²⁰, что в России частенько можно увидеть отношение «я проиграю, но и ты не выиграешь!» вместо более прогрессивного американского «ты выиграешь, но и я выиграю». Ясно, что подобное отношение, часть айсберга терпеливости, тоже не способствует эндогенному техническому прогрессу и, соответственно, экономическому процветанию.

В связи с разговором о зависти и справедливости мне кажется важным отметить связь этих понятий с общественной нетерпимостью (имеется в виду, прежде всего, интеллигенция) к воровству. Апокрифический ответ «воруют-с» на вопрос о том, что происходит в России, показывает всю глубину проблемы. Этот ответ показывает, какой именно феномен является действительно важным для думающей части общества. Любое хозяйственное или социальное развитие, будь-то прокладка новых дорог, или строительство новых заводов, или существенный прирост населения – всё блекнет в России по сравнению с феноменом разворовывания казенных денег. Мне такое отношение кажется в корне неправильным. Оно ориентирует на содержание громадной иерархии контролеров, источника самоподдерживающейся коррупции, вместо ориентации на технический прогресс и развитие. Как разительно такое отношение отличается, скажем, от британского, где многие подобные процессы пущены на самотек, лишь бы избавиться от систем запретов и лавины контролеров. Помню, как впечатлен я был видом процветающего городка Сэндвич на юге Англии – многолетнего местообитания контрабандистов (товары из Франции), основанного ими же – значит, преследовали их не очень круто. Коротко: если есть десяток заподозренных в преступлении, из которых виноват один, мы посадим всех десятерых: главное, что виновник будет наказан; а у них, напротив, отпустят всех – лучше пусть зло останется безнаказанным, чем наказать девять невинных.

В связи с этим не могу не процитировать диалога с одним из либерально-ориентированных публицистов. Речь шла о прежнем мэре Москвы. Не стоит его менять, сказал мой собеседник; он уже прикарманил много чего, больше ему не надо. А новый неприминуемо начнет хапать, потому что с нуля. Я возразил: дело ведь не в богатстве, а власти; ее никогда не бывает достаточно. Было бы здорово, сказал я, если бы состоялись нормальные выборы, так чтобы нынешнего мэра просто не переизбрали, но он и/или его соратники остались в политике, хотя бы и в оппозиции. В таком случае эти люди, благодаря стоящему за ними капиталу, могли бы составить реальную оппозицию вновь избранной власти; и вовсе не обязательно преступную. Скорее наоборот, ведь они тоже о России радеют. А иначе мы из монополии власти так и не вылезем никогда. Увы, моим надеждам сбыться не пришлось. Прежнего мэра убрали, как и связанные с ним капиталы, и опять власть в городе – в одних руках. Мне остаётся утешаться тем, что такой ход событий соответствует концепции «единой правды».

Мне кажется, что главная задача развития российского сознания – переход к плюрализму в идее правды. Правда – вещь относительная. Россияне будут повторять колею общества без внутренних механизмов развития, т.е. с необходимостью коренных ломов для адаптации к прогрессу, пока в обществе превалирует идея единой правды. В данной ситуации было бы правильно стремиться к постепенному усложнению структуры российской личности и, через это, российского общественного устройства, как путем вовлечения индивидов в активную общественную работу, так и путем улучшения системы образования. С одной стороны, современные экономические и демографические процессы неминуемо ведут к разрушению структуры русской семьи, русской школы и всей системы воспитания – основных компонентов устойчивого наследования русского

---

²⁰ М. Малый (2000) «Как понимать Россию»; см. <http://russia-as-it-is.ru/knigi/kak-ponimat-rossiyu>.

стереотипа и, значит, русской колее. Тем самым эта структура размывается под действием естественного хода вещей. С другой стороны, хотелось бы как-то участвовать в таком структурировании этого процесса, который бы приводил Россию в Европу, а не уводил из нее.

Я вижу два типа действий по развитию российского сознания и российского общества. Первое, поскольку действующая конституция предусматривает широкое участие людей в управлении страной и – теоретически – дает много прав в этом направлении, надо учиться использовать эти права и постепенно улучшать ситуацию, избавляться от коррупции в тех – пока очень немногих – местах, в которых народные массы допущены к участию. Прежде всего, речь идет о выборах. При существующих порядках, когда организация подсчета голосов сделана так, что результаты находятся полностью в руках участковых комиссий, конечно, отсутствует какая-либо связь между желаниями избирателей и поведением избираемых. Это дает основание говорить, что все вернулось на круги своя, «избранные» как бы избираются пожизненно. Но это не так. Все чаще люди «с улицы» берут дело наблюдения за деятельностью пунктов голосования в свои руки, через огромные препятствия, через аресты и пр., и это действует! Только не надо успокаиваться – надо усиливать контроль. Ведь имеется масса возможностей подделки на более высоких уровнях. Таким образом, через самодеятельность индивидуальных людей, через их самоорганизацию постепенно будут вытравляться коррупционные проявления. Вот как подобную ситуацию описывает один из наших талантливейших публицистов. «Ройзман перестал мириться и начал действовать, а кому же это понравится! Мне самому его действия не нравятся. Но я понимаю, что никаких других в сложившейся ситуации нет: в России медленно, снизу, формируется государство. То самое, настоящее, главной задачей которого служит забота о населении, а не разнообразные изобретательные способы сделать его жизнь невыносимой.» Д. Быков, Что-то делать, <http://www.novayagazeta.ru/arts/64629.html>.

Второе, это активные исследования и обсуждение теневых сторон «русского духа», разъяснение того, что правда – понятие плюралистическое, что существование одной, самой главной правды, вовсе не обязательно. Напротив, единая правда характерна только для очень простых ситуаций типа «кто кому дал по морде». Более сложные ситуации скорее напоминают известную притчу о трех слепых, которые хотели узнать, что такое слон и подошли к нему поближе, чтобы это сделать. Понимаю, сказал тот, кто обхватил ногу слона – слон это такой толстый столб. Да нет же, возразил тот, кто схватился за ухо, – слон это такое большое растение – типа лопуха. Ничего вы не понимаете, сказал третий, подошедший к хоботу – это такая большая змея.

Я хочу быть правильно понятым – то, что написано – анализ, а не программа действий. В частности, я совершенно не ратую за немедленные демократические преобразования. Например, российский климат предъявляет очень серьезные требования к системе поддержания тепла в зимние холода. Кто оплачивает эти непомерные расходы? Государство – ведь в настоящее время население абсолютно несогласно с дальнейшим ростом цен на энергетические ресурсы. Где государство берет деньги на энергетику? Через продажу нефти и газа, а также увеличивая налоги на бизнес; оно бы и радо брать с населения, да боится. Серьезное повышение налогов с населения чревато возвращением к «черному налу» девяностых, когда по бумагам никто ничего не зарабатывал. Но ведь брать с бизнеса – все равно, что пилить сук, на котором сидишь. Во всех нормальных странах бизнесу всячески потворствуют, уменьшают налоги – лишь бы открывались предприятия, лишь бы росла занятость, лишь бы создавались предметы на продажу. У нас же бизнес тянет за всех и все тянут с него – вот и заинтересованность в коррупционных чиновниках. Без справедливой цены на продукты энергетики говорить о сбалансированности экономики и, тем более, демократии в России – мне кажется рановато. Наше население к справедливым ценам пока не готово. Общество не созрело не то что для формирования политических партий, но и для участия в поддержании простого экономического баланса. Это хорошо видно по тому, например, как много людей сейчас возражают против того, чтобы взять в свои руки дело капитального ремонта, т.е. платить за него. Они не видят никакой связи между всевластностью и, как следствие, коррумпированностью администрации и тем, что население не желает брать в свои руки никакие функции поддержания городского хозяйства.

Тезисы:

- **С одной стороны, объявлена демократия; с другой – полное нежелание народа в ней участвовать.**
- **Идея справедливости может проявляться в чувстве зависти или даже в неудачной системе ценностей.**
- **Главная задача развития российского сознания – переход к плюрализму в идее правды.**
- **Надо учиться использовать свои права, переводя их в круг своих обязанностей.**
- **Высокие налоги на бизнес – пилить сук, на котором сидишь.**

Заключение

Внимательный читатель мог заметить, что в этом трактате понятия «русский» и «российский» в значительной степени тождественны. Так и должно быть, поскольку в нём никак не затрагиваются генетические аспекты, а описывается феномен народа, исповедующего концепцию единой правды.

Подчеркну основные тезисы данного трактата:

- Идея жизни по правде, единой и «неделимой», предопределяет трехзвенную «соборную» структуру российского общества «правитель – вертикаль власти – народ», которая лишает общество внутренней энергии развития, необходимой для экономической независимости;
- Эта же идея предопределяет многие особенности поведения россиянина (самонедостаточность, относительная нерасчлененность личности, жизнь в настоящем с отсутствием необходимого внимания к планированию будущего и пр.);
- История России (см. Приложение) – это история попыток унификации населения при необходимости сохранения и укрепления государства при отсутствии внутренних механизмов развития, приводящих к циклическому процессу, с необходимостью приводящему каждый раз к смутному времени, наступающему в результате всеобщего разочарования.
- Проведенный анализ приводит к нетрадиционным оценкам многих событий современности и истории отечества, таких как завоевания Екатерины Второй и роль правительства в возрождении авторитаризма, и, соответственно, рецептам на будущее.

Приложение

Очерк истории России

Цели российской государственности и столетний цикл

Рассмотрим историю России в обрисованной системе координат. Оставим в стороне предысторию – варягов, русские княжества, Владимира Святого, Владимира Мономаха и Андрея Боголюбского, половцев, нашествие монголов и монгольское иго. Но всё-таки упомянем, что в отличие от Западной Европы, вся система управления здесь основывалась на, так сказать, семейном владении: русская земля, при всей её раздробленности, рассматривалась как единое пространство, которым Рюриковичи владеют не по отдельности, а как бы сообща. Никто из них не закреплён ни за каким конкретным княжеством, так что князья передвигаются по ним в соответствии с изменениями мест в иерархии. Увы, иерархия устанавливалась не по одному, а сразу по двум основаниям – старшинству рождения и старшинству семьи, которые часто оказывались несовместимы, что порождало постоянные свары и вражду. Общность собственности, в частности, приводила к невозможности майората – английской системы наследования, при которой все принадлежит только одному, а остальные ищут другие способы существования. Некоторые считают, что именно майорат привел к обществам, основанным на частной собственности и открытости рынка, приведшим к разработке передовой науки и технологии (см., в частности, труды А. Янова). В России идея майората успеха не имела никогда. Введённый было Петром 1 в 1718 г., майорат был отменен в течение десяти лет после его смерти.

Начнём с установления Московской государственности после достижения независимости великим князем московским Иваном III: конец 15го – начало 16го века, так называемое собирание земель – экспансия московского княжества путём поглощения соседних, прежде всего русских, земель. При этом возникает сложное переплетение структур и очень неоднородное общество, начиная с иерархий, унаследованных от присоединённых земель таких как, например, статусы удельного князя, его двора, его бояр и пр., включая и различные статусы простого люда. В этих условиях **российская власть имеет двуединую задачу – во-первых, добиваться однородности населения в соответствии с идеальной трехчленной структурой; во-вторых, как положено всякой целеполагающей системе, обеспечить выживание и сохранение этого государства.** Она, власть, не обязательно осознает данные цели, особенно поначалу. Думаю, что и вообще не осознает. Но если внимательно посмотреть на историю, то создаётся полное впечатление, что именно данные цели в какой-то мере задают контекст, в котором история России может рассматриваться как некое единообразное движение, а не случайный ряд не связанных друг с другом эпизодов. Народ тоже участвует в этом движении, помогая центру, а иногда и поправляя его, по мере сил и возможностей, но всегда в соответствии с идеей основы основ – единой правды.

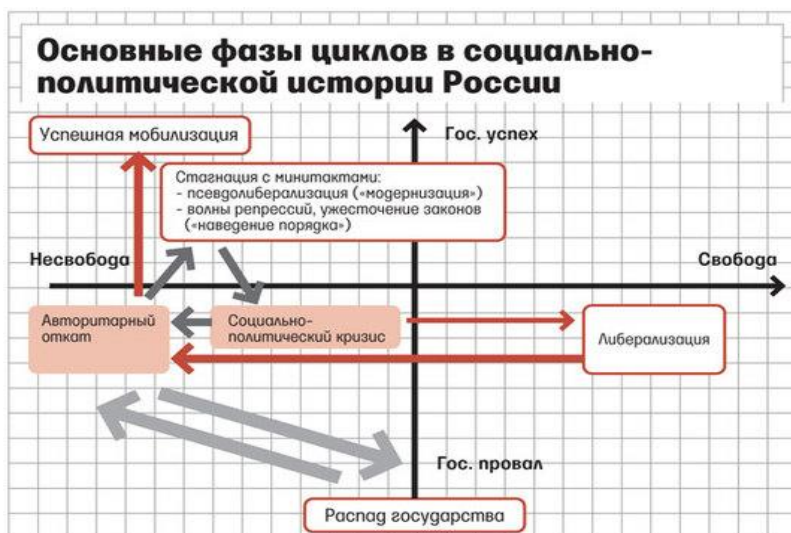
Молодое московское государство попадает в вековой цикл, многократно отмечавшийся для России разными авторами, хотя и с различающимися, и далеко не всегда удачными, объяснениями²¹. На Рис.2 представлена для примера относительно удачная схема из статьи Н. Розова (Русская колея: Фатальны ли российские циклы» из газеты «Ведомости» от 09.11.2012, № 213).

Вполне возможно, что подобный вековой цикл был свойствен и более ранней истории россиян. Вполне можно интерпретировать ведущие события древней русской истории – призвание варягов в 9 веке, принятие христианства в 10 веке, уход в леса в 11 веке, установление татаро-монгольского ига в

---

²¹ Следует отметить, что идея векового цикла вообще популярна в мировой литературе и разрабатывалась разными авторами для разных стран и Европы в целом.

13 веке, возвышение Москвы в 14 веке – как знаки тотальной перестройки, смены кожи, так сказать. И не было ли решающее поражение от руки монголо-татар в 13 веке наказанием за упущенную в 12 веке необходимость перестройки? Если так, да и если не так, урок оказался очень даже впрок, как можно видеть, – на всё последующее тысячелетие.

Рис. 2. «Основные фазы (такты) цикла представлены на плоскости, образованной осями «Государственный успех / «прокол»» и «Уровень свободы, защиты личности и собственности». Россия по-прежнему сейчас находится в большом такте «Стагнация» с мини-тактами: недавней потешной «модернизацией», нынешними попытками власти перейти в «авторитарный откат», а в мечтах и к «успешной мобилизации» (стать «новым полюсом мировой политики», колонизовать Луну и проч.).» Н. Розов.

На мой взгляд, вековой цикл формируется четырьмя-пятью возрастными поколениями, примерно по 20-25 лет каждое. Каждое из этих поколений – с учетом меняющейся внутренней и внешней обстановки – по-своему понимает задачи государственного управления. Первая четверть века связана со строительством, обычно наступающим после и вследствие большого разорения, часто после очень серьёзной войны, которыми заканчивается предыдущий период. Строительство преследует цели упрощения структуры общества, повышения эффективности управления и внедрения передовых технологий, разработанных в Европе. Это открывает страну внешним влияниям и страшно пугает следующее поколение – точнее, бывших молодых, вступающих в зрелый возраст. Теперь власть закрывает страну; как говорится, перекрывает кислород – и через какой-то десяток или два лет сама видит, что страна отстаёт в индустриальном развитии, народ обнищал; что нужна, так сказать, оттепель; что надо приоткрыть дорогу инициативе и пр. Оттепель происходит в шестидесятые годы, но быстро пугает и народ, и власть своим стремлением к открытию страны внешним влияниям, кажущимися подчас слишком разрушительными. Вот тут-то и начинается реакция, затрагивающая и третье, и четвёртое поколения. В конце периода власть становится обручем, жёстко сковывающим народную инициативу, что особенно хорошо заметно на фоне поступательного движения Европы. Зреют голоса несогласных, постепенно сливающиеся в реку народного недовольства, постепенно охватывающего все активные слои населения. Известная ленинская формула: «Низы не хотят, а верхи не могут» вносит хотя и упрощающую, но, на мой взгляд, не верную в данном случае ноту противостояния. На самом деле, на уровне больших групп, «не хотят все». Начинается смутное время, после которого стране надо как бы заново отстраиваться. **Цикл замкнулся. Он включает этапы: строительство-перекрытие-оттепель-реакция-смутное время.** Каждый цикл в норме сопровождается дальнейшей униформизацией населения и дальнейшей географической экспансией. Необходимость экспансии как способа выживания поначалу определялась чисто географическими причинами. В отличие от Англии, отделённой морями; в

отличие от Франции, отделённой горами, московско-российское государство располагалось на огромной равнине без особых естественных барьеров. Наступай или пропадай - третьего не дано! Естественно, что каждый раз возникают свои особенности, связанные с ходом времени и международной, а иногда и локальной, обстановкой. **В частности, последние два века, 19-й и 20-й, территориальная экспансия не была необходимой для выживания и совершалась как бы по привычке.** Зачем захватили Финляндию? Так ли уж нужно было Закавказье? Конечно, был определённый долг – защита христианских, тоже православных, хотя и слегка по-иному, народов – армян и грузин. Но зачем же нарушать условия Георгиевского трактата? Зачем включать Грузию в Россию на правах губернии, а не оставить в виде относительно независимого буфера? Зачем двинули в Среднюю Азию, а достигнув южных хребтов, полезли и дальше – в Афганистан, Индию, Китай? Зачем? Поддались на самоублажающую удочку цивилизационной миссии, придуманной англичанами? Я думаю, просто по-русски, не очень задумывались: раз по рукам не дают, значит, можно. А раз можно, значит, и нужно.

Схематически, огрублённо, история развития России из Великого княжества Московского видится так.

16 век. Формирование централизованного государства. Сын Ивана III великий князь Василий III (1505-1533) явно представляет «перестроечное» крыло, его не любят бояре, но поддерживают худородные. Да и вообще он получает власть через большой скандал, типичный для проблемы дальнейшего развития, с которой все время сталкивается и никак не может справиться руководство России – передача власти. В данном случае скандал, к счастью, вовсе не такой кровавый, каким бывал в последующие времена. Иван III в 1498 г. с большой помпой передает власть навеки (!) младшему сыну первой жены Ивану (и сама жена, и старший наследник умерли), а через год вдруг всё наоборот – старшему сыну второй жены, царьградской царевны Софьи (вот она, цепочка от константинопольского престола! пресловутая «шапка Мономаха»²²), Василию. Василий III успешно присоединяется к европейскому техническому прогрессу и успешно присоединяет земли, включая Псков, Рязань, Смоленск – последний отвоеван у Литвы с помощью династического брака и удачного применения заграничной новинки - артиллерии. В церковной жизни окончательно закрепляется победа Иосифа Волоцкого и его последователей над «нестяжателями», которые утверждали, что церковь должна только заботиться о душе, а землей владеть не должна. Хотя эта победа почему-то осуждается российскими историками, я думаю, что она сыграла положительную роль, обеспечив возможность развития монастырей как более или менее независимых землевладельцев – хоть какое-то прибежище мысли, не совсем зависимой от текущих государственных нужд. В процессе княжения Василия III увеличивается централизация. Некое подобие иерархического порядка среди всей унаследованной и присоединённой аристократии удаётся навести через развитие так называемого местничества, когда степень старшинства между двумя представителями устанавливается через историю старшинства их предков по участию в совместных предприятиях. Это упорядочение прекращает личные склоки, но в долгосрочном плане его действие просто ужасно. Местничество – настоящий тормоз развития, так как оно противоречит практически любому проявлению личной инициативы – вдруг случится играть не главную роль в новом предприятии? – это ведь отрицательно скажется на всем роде, включая далеких потомков. Василию в 1533 г. наследует трехлетний сын Иван, прозванный впоследствии Грозным. После периода безвременья, семнадцати лет отроду Иван становится самодержавным правителем, назначает себя царем, т.е. равновеликим другим самодержцам – и проводит крупнейшие реформы в рамках периода оттепели. Упорядочивается государственное управление – создаются приказы, аналоги министерств. Демократизируется местное управление – на смену самовластным кормленщикам приходят избираемые земские старосты. Реформируется армия. Реформируется право. Фактически, как бы заново формируется вся

---

²² Как совершенно очевидно, хранящийся в Кремлевской сокровищнице артефакт имеет татаро-монгольское происхождение и никакого отношения к византийскому Мономаху иметь не может.

структура управления и жизни. В процессе переоформляется внешняя среда. Покончено с существованием остатков Золотой Орды на Волге – Казанского и Астраханского ханств: дорога на восток открыта. В результате – я думаю, очень неожиданно для власти – Россия один на один с могущественными соседями на севере, западе и юге – Швеция, Польша, Крымское ханство. Оттепель заканчивается в 1564 году: царь Иван нападает на последнего уцелевшего слабенького соседа – остаток некогда сильного Ливонского ордена – и вполне было успешно, но за него вступаются другие соседи – Польша и Литва, как раз заканчивающие трудные переговоры об объединении в единое государство, а также Швеция, которой достаются части распавшейся Ливонии. Начинаются поражения. Кто виноват? Ну не царь же! Надо найти «внутреннего врага». Отныне царь Иван борется за укрепление царской власти. Для этого он применяет военную хитрость. Он делит Московию на две части: (1) обычную – земскую и (2) опричную, кромешную (от слова-синонима «кроме») – для себя. В опричной части закон – в том числе и местничество – отменяется, царь и его опричники действуют «по понятиям». В результате аристократия деморализована и подчинена, частью перемещена на новые волжские земли, но в процессе разрушены и экономика, и мораль, что заставляет ещё более усиливать централизацию. Вторжение крымского хана в 1572 показывает полный развал. Опричнину приходится отменять. Царь Иван умирает в 1584, оставив единственному уцелевшему, но не совсем твёрдого ума, сыну Фёдору полуразрушенную страну. Брат царицы Борис Годунов пытается противостоять невзгодам. Строятся города-крепости против нашествий с юга – Самара, Воронеж, Царицын и пр. Колоссальный успех – получение Московской церковью статуса патриархии в 1589 (через вымогательство – приглашённого константинопольского патриарха Иеремию не отпускали домой больше года, пока не согласился). Но все это не впрок. Ставший к тому времени царем, Борис Годунов пытается наладить положение, используя устаревшие методы Ивана Грозного, что сильно роняет его в общественном мнении. Два года неурожая в начале 17 века окончательно рушат шаткую конструкцию. Наступает кризис – смутное время! Черета правителей, не оставивших следа, разве что в словечках «лжедмитрий» и «семибоярщина», изобретении более позднего времени. Интервенция. Донские казаки. Разруха. Усилия глубинки – нижегородцев, собравших боеспособное ополчение, прекращают оккупацию и смуту.

17 век. Формирование структуры общества. 1613 год. Разорённая страна выбирает нового царя, юного Михаила Федоровича Романова – выбрала бы отца, Федора Романовича Захарьина, да нельзя – пострижен в монахи ещё по приказу Б. Годунова, а теперь и вовсе в польском плену. По возвращении отец, ныне старец Филарет, становится юридическим соправителем царя. В царствование Михаила происходит унификация крестьян и окончательное прикрепление их к земле. Земля раздается налево и направо; многие освобождаются от податей – все это способствует развитию производства. Происходит дальнейшее уменьшение роли наследственной аристократии – бояр – и выдвижение на первый план дворянства, наделяемого землей не по праву наследования, а в награду за службу. Унифицируются правила. Начинается продвижение западных промышленных технологий – строятся металлообрабатывающие и ткацкие фабрики, приглашаются иностранцы, образуется Немецкая слобода в Москве, распространяется грамотность, огромный тираж букваря, возникают первые школы. В первые годы правления Михаила ежегодно созываются представительные Земские Соборы, для помощи – и согласия – в решении срочных хозяйственных и внешнеполитических задач. Внешнеполитическая ситуация остается напряженной. Хотя удается: (а) замирить донских казаков, (б) заключить мир со шведами ценой отдачи выхода к Балтике и (в) помаленьку отбивать регулярные набеги крымчан – совершенствуется система лесных засек, им препятствующих, главная проблема – Польша – не только не решается, но даже и усугубляется. Неудачные войны позволяют полякам снова отобрать Смоленск и окрестности. Зато полным ходом идет освоение Сибири простолюдными, практически без участия государства.

В 1645 г. царь Михаил умирает, власть переходит к его сыну Алексею. Ближние бояре ведут неудачную налоговую политику, отменяя одни налоги, вводя другие и вновь возвращаясь к старым. Увеличение поборов, а главное – их непоследовательность, приводят к городским бунтам. В результате созывают Земский собор; он составляет Соборное уложение 1649 года, впервые

кодифицирующее взаимоотношения двора, дворян, крестьян, купцов. При этом не только лишаются привилегий, но и фактически изгоняются иностранцы, английские купцы – под предлогом их излишней революционности (казнь короля Чарльза 1). При всей слабости армии и власти идёт огромная работа по развитию оборонительных рубежей на юге и востоке, а также помощи обращающимся за оной Левобережной Украине гетмана Хмельницкого и Грузии царя Николая. Патриарх Никон проводит церковную реформу как бы по исправлению накопившихся при копировании искажений греческих оригиналов, смысл которой, по-видимому, в том, чтобы приблизить московскую церковь к другим автокефальным ветвям православия, прежде всего, греческой – «наиболее» автокефальной из всех. Россия остается единственной православной страной, не подпавшей под иноземное господство, и хочет претендовать на роль объединителя всех славян и, кто знает? – возможно, всех православных. Реформа дает России своих диссидентов, раскольников, не признающих новых церковных правил и ритуалов. Знатоки утверждают, что старообрядческое православие приближает человека к богу; никонианское – отдаляет. Начинаются «заморозки». Для обеспечения войны с Польшей за присоединенную часть Украины вводятся медные деньги, как бы на равных с серебряными. Их перепроизводство ведет к обесцениванию медной монеты более, чем в 10 раз (к 1662 году). Правительство перекладывает военные расходы на народ: подати собирает серебряными деньгами, а расплачивается медными. В какой-то момент терпение народа истощается. 25 июля 1662 – листовки с призывом к расправе с некоторыми особенно ненавистными вельможами, причем толпа двинулась даже и на царя, который в конце концов разогнал её войсками. Начинаются восстания российских иноплеменников, затем – Степана Разина, отразившие недостатки центрального управления, не умевшего учесть интересы периферийных слоев и местных народов. Царь Фёдор Алексеевич (1676-82), унаследовавший власть в совсем юном возрасте, продолжает реформирование в сторону упрощения структуры. Он отменяет местничество, ставшее к этому времени тяжёлым бременем на пути развития системы управления.

18 век. Униформизация структуры государства.

Этот век начинается годами правления Петра Великого (1689 -1725), который всю жизнь занимается освоением достижений Запада. Вот погоди, освоим, а там и зад им покажем, говорит он. Петр строит сильное авторитарное государство. Из унифицирующих реформ отметим семь:

- Реформа государственного управления путём создания системы коллегий, аналогов министерств;
- Реформа территориального управления путём формирования 4-уровневой вертикали власти с упразднением выборности местных органов;
- Уничтожение стрелецкого, т.е. полукрестьянского, войска и переход к профессиональной солдатской армии;
- Слияние поместной и вотчинной систем;
- Введение табели о рангах, позволившей существенно потеснить генеалогическую иерархию аристократии, заменив её лично-служебной и дать тем самым возможность вертикальной мобильности²³;
- Переход на уровень индивида (хотя и только мужского пола) как учётной единицы для целей сбора налогов и войскового рекрутирования (от родовой единицы дыма-дома);
- Включение церкви в структуру государственного управления (замена поста патриарха «Духовной коллегией», органом правительства) .

Управление упростилось и централизовалось. В последующие десятилетия, неверно истолкованные, прозападные веяния (Анна Иоанновна, 1730-1740) сменяются столь же неадекватными прогосударственными (Елизавета Петровна, 1741-1761). Наступает эпоха Екатерины II (1762-1796), вместившая в себя и либерализацию (её пиком были созыв и работа так называемых «уложенных

---

²³ Табель о рангах устанавливала структуру служебных рангов в составе 14 разрядов от высшего, первого, к низшему 14-му и структуру соответствия между рангами трех типов государственной службы: придворной, штатской и военной, подразделявшейся на сухопутную, гвардейскую, артиллерийскую и военно-морскую.

комиссий», включавшей представителей всех сословий и многих народов), и замерзание. Главным результатом её правления явилось существенное расширение территории России на юг и запад – включение всей Украины, Белоруссии, Новороссии, Крыма, Северного Кавказа и половины Польши в состав империи²⁴ – с сопутствующим «понижением» двух извечных врагов – Турции и Польши; эту последнюю на целое столетие уничтожили – разодрали на куски три благородных соседа – Россия, Пруссия и Австро-Венгрия. Военные победы позволили Екатерине:

- окончательно оформить четырёхчленное деление населения (а) дворяне, получившие вольность от необходимости служить в 1785 г., б) духовенство, в) мещане (горожане, включая разросшееся сословие купечества) и г) крестьяне;
- упростить и усилить иерархию регионального управления, включая выделение городов в отдельное управление и дворянское самоуправление;
- сформировать эффективную полицейскую службу и пр.

Эти преобразования были хорошо продуманы и прослужили с небольшими изменениями до самой революции 1917 г.

Успешная экспансия, осуществлённая Екатериной II, традиционно считается крайне полезной для России – приобретено много земли, достигнуто Черное море, повысился международный вес и пр. Мне хочется обратить внимание на менее приятные последствия этих завоеваний. Во-первых, на фоне существенного ограничения многообразия населения внутри страны, в Россию включены довольно многочисленные народы – прежде всего, поляки, евреи, народы Крыма и Кавказа, – существенно отличающиеся от русских по менталитету. Тем самым нанесён серьёзный удар по цели усиления однородности населения. Во-вторых, ещё более крупный удар нанесён цели выживания государства. На место цели выживания выступает цель укрепиться не только на северных берегах Чёрного моря, но и и далее, на Средиземном море. Экспансионизм в чистом виде. Казалось бы ничего страшного: ведь наступает век империализма. Франция и Англия наперегонки захватывают новые территории. Лозунг дня: Нет великой нации без великой территории²⁵. На мой взгляд, именно территориальная экспансия последних 150 лет правления династии Романовых подорвала обе цели российской государственности и послужила бомбой замедленного действия, став основной причиной дестабилизации России и революции в начале 20 века.

19 век. Дальнейшая униформизация структуры общества. Основное событие начала века – наполеоновские войны. Очередная загадка русской души – в процессе продвижения вглубь России в 1812 Наполеон отменяет крепостничество, но народу, оказывается, свобода не нужна (ну не рабская ли душа – говорит француз), народ отторгает идеи французской революции. Наполеон бежит из Москвы с внезапно растаявшим (никто не знает – почему) войском, русские войска входят в Берлин и Париж. Этап строительства прекращается смертью Александра Первого и восстанием декабристов в 1825 г. Последовавшее воцарение его младшего брата Николая Первого (1825-55) приводит к полному перекрытию развития. Реакционная Россия доминирует в Восточной Европе, полностью разрушает турецкий флот – и позорно проигрывает так называемую Крымскую войну (1853-56) странам будущей Антанты. Впервые по-настоящему оформляется антироссийская установка Западной Европы: «Россия – бандит, который спит и видит, как завоевать одну за одной европейские страны»; в данный момент в опасности «больной человек Европы», Турция. Крымская война обнажает глубокое техническое отставание России. Начинается оттепель – царствование Александра Второго. Он – вероятно, полагая, что не может быть технического развития без политического – перекраивает государственное устройство на европейский лад – освобождение крестьян (без земли!

²⁴ Я не упоминаю Аляску и Российскую Америку по причине малочисленности их населения.

²⁵ Эта идея в настоящее время себя вполне дезавуировала. Пример – послевоенная Япония: великая нация без великой территории. Но ещё в 20 столетии эта идея пронизывала гитлеровский манифест «Майн кампф» и завоевательную программу третьего рейха.

за что его нещадно критикуют все, кому не лень – что на самом деле является мощнейшим средством промышленно-экономического ускорения, не хуже английского «огораживания»), местное самоуправление, независимость судопроизводства, реформа образования, военная реформа...

Увы, народ в лице студенчества и интеллигенции эти реформы не принимает и отвечает размахом нигилизма, народничества и терроризма. Пожалуй, впервые за все время существования России общество и государство работают вразнобой. В чем дело? Трудно сказать. Слишком много разнородных веяний. Во-первых, трудности интеграции чуждого элемента (поляки, евреи, грузины и пр.). Во-вторых, идея несправедливого общественного устройства. Простые ребята, «кухаркины дети», получают зачатки образования и видят несправедливость во всем. Мысли их коротки, как у Буратино. «Надо убить царя и его приспешников, и тогда наступит рай.» Начинается хождение в народ: «Сбейте оковы и дайте мне волю. Я *научу* вас свободу любить.» Оказывается, крестьяне вовсе не жаждут учиться любить свободу. Их интересуют более прозаические вещи. Во-третьих, призрак коммунизма прибывает в Россию, придавая европейский лоск борьбе с имущими красивыми лозунгами типа «грабь награбленное». Теперь кухаркины дети вооружены новой доктриной – настоящий трудовой класс – это рабочие, а крестьяне – класс реакционный.

Александр Второй убит террористами в 1881 году. Его сын Александр Третий начинает волну реакции, но общее недовольство не остановить. На фоне блестящих экономических успехов в промышленности – застой и низкая производительность труда в сельском хозяйстве (неурожай и голод 1891-92 г.). Затем, уже при новом царе, Николае Втором (1894-1917) неудачная – и ненужная, поскольку за право дальнейшей экспансии в Китай – русско-японская война 1904-1905. После этого не остаётся в России ни одного сколь-нибудь заметного слоя населения, который бы не считал, что существующее устройство несправедливо и что всё надо поменять.

20 век. Большевики: Еще большая униформизация структуры общества и государства.

Россия вступает в смутное время, поглощающее и Первую мировую войну, и Гражданскую войну 1918-1921 – реакция наступает в 1929 – Великий перелом! Сталин, гениальный продолжатель дела Ленина, пожалуй, единственный из тех, что были в наличии, кто сумел претворить коммунистическую утопию в жизнь. Представим себе что-то более наглядное, чем коммунистический рай, но столь же заманчивое – например, ковёр-самолёт. Удобная штука, между прочим. Летишь куда хочешь, а сам наслаждаешься на ковре, дышишь свежим воздухом, чай пьёшь или загораешь, например. Но можно ли создать ковёр-самолёт в реальности? Оказывается, да, можно создать летательный аппарат тяжелее воздуха. Но – для подъёмной тяги нужна большая скорость – либо самого аппарата, либо больших винтовых лопастей на нём. Для создания таких скоростей необходим очень мощный мотор, требующий много специального горючего и создающий много шума и вредных веществ. Как следствие получаем, что аппарат должен быть обтекаемой формы из прочного материала, в его мотор будет сильно шуметь и испускать выхлопные газы. И для приземления нуждается в специальной очень прочной дороге (бетонной полосе). Не очень похоже на ковер-самолет, не положишь под кровать, не понаслаждаешься безмятежным видом сверху. Зато вполне годится для боевых действий и для перемещения на большое расстояние в специальных условиях. Аналогичная штука с коммунизмом и его идеалом – «работать – по желанию, есть – по потребности». Оказывается, без ежедневной угрозы остаться без средств существования человек, в массе своей, трудиться не желает. Идея - воспитать нового человека, который бы хотел трудиться сам по себе, во благо человечества, так сказать. Эта идея оказывается неработающей. Тем не менее, поначалу Советской власти удаётся добиться единства общества и народа – через «выбраковку = уничтожение» «ненародных» классов и групп (аристократия, духовенство, зажиточное крестьянство, «подкулачники») и культ личности вождя – И.В. Сталина. Для создания необходимой тяги Сталин использует стратегию «кнута и пряника». Пряник - идея строительства коммунизма в одной стране – хорошо легла на народную идею единой правды, ну прям один-в-один! А в качестве кнута использовались арест и

каторга для одних и страх того же для других. Вроде бы неплохо получалось – правда, многовато «отходов» (лес рубят – щепки летят! Ух, не дай бог оказаться в роли такой щепки!). Зато удобно для реализации социалистических мега-проектов, исполняемых дармовой и безропотной рабсилой Гулага. Но только на протяжении одного поколения. Как говорится, можно долго обманывать часть народа, или недолго обманывать весь народ, но никак не получается вечно обманывать всех. Советская экономика не способна к внутреннему прогрессу, работает исключительно путем расширения. Два основных ресурса экономики – земля и труд. Земли полно, труда – тоже, его подпитывает сельское население, поначалу тоже казавшееся неограниченным. В двух-трех военно значимых областях Сталин организует конкурентную среду (плюс специфические средства мотивации работников плюс промышленный шпионаж) – там технический прогресс идет вполне качественно. После Сталина всё уже идёт под гору – правда, вначале совсем незаметно, как и полагается экспоненциальным процессам распада, тем более что началась была оттепель, да и материала – деревенского жителя - хватало с избытком. Но реакция наступила слишком рано, вероятно, можно отсчитывать с арабо-израильской войны 1967 года, поскольку характеризовалась отъявленным антисемитизмом. Лично я в те времена считал переломным год 1975: если до него «все, что ни делалось, шло к лучшему», то с этого года – наоборот, «все, что ни делалось, вело к худшему». Производство стало отменно плохим – новые станки не работали, а новые трубы были слишком тяжелыми; но это не замечалось, особенно поначалу, тем более, что возникла «палочка-выручалочка» - продажа нефти и возможность покупки всего необходимого на нефтедоллары. К 80м деревенский человеческий материал закончился – весь активный элемент оттуда выкачали, так что обрушение цен на единственный остававшийся ресурс, сибирские нефть и газ, привело страну к неизбежному коллапсу. Советская власть классно преуспевала по обоим направлениям российской государственности – и по достижению однородности населения, и по обеспечению выживания, только вот результат, как видится сейчас, как-то не очень. Общество атомизировано и деморализовано; практически все социально-экономические связи в обществе разрушены. Новое государство – Российская Федерация, возникшее при распаде СССР – банкрот. Отменены пенсионные и иные накопления советского времени. «Новый» человек, гражданин новой России, парадоксальным образом оказался полным антиподом задуманного коммунистического идеала. Без идеалов, без нравственности, без будущего. Промышленность, сделанная большевиками нелюбимым придатком военно-промышленного комплекса, дезинтегрирована. Остаётся и совершенствуется лишь та часть, которая используется для выкачки энергетических ресурсов и, в совсем малой пропорции – военные технологии. Бюрократия правит бал, мёртвой хваткой оседлав и промышленную, и социальную, и политическую, и судебную структуры, зажимая практически любые – хотя и всё-таки не все – попытки инициативных индивидуумов.

Ситуация современной России в исторической перспективе весьма необычная. До 1917 г. в России правил легитимный режим царизма, представленный династиями Рюриковичей и Романовых. Затем пришли большевики, которые, как они утверждали, поняли объективные законы общественного развития, т.е. поняли, в чем правда, что, как я понимаю, легитимизировало установленную ими власть. Неверно, что Советская власть держалась только силою КГБ. Она держалась «мнением народным». Мнением этим она очень дорожила и, чтобы его удержать, делало всё возможное и невозможное, чтобы отменить неудобную для себя информацию: скрывало неудачи внутренние и глушило правдивую информацию извне. Вообще, реализуя трёхчленную структуру народ-лидер-ставленники, большевики изобрели немало интересных способов, которые бы надо изучать и развивать, а мы, как это часто бывает, «ленивы и нелюбопытны», стараемся всё забыть. Вот, например, иерархическая структура коммунистической партии. Мы чувствуем, что её роль в социально-экономической жизни была огромной. Но за счёт чего конкретно? Я не видел ни одного более или менее добросовестного исследования на эту тему. Очевидна роль партии как проводника, говорили – «приводного ремня», начальственных идей. Значительно менее известна роль партии в балансировании народно-хозяйственного производства, например, согласовании отраслевых и региональных интересов. Другого-то инструмента нет, ведь цены никакой роли в экономике не

играют! Скажем, какой-нибудь большой завод, продукция которого «вот так нужна!», а никак план не может вытянуть. А тут секретарь горкома партии с новой просьбой к директору: мол, плохо дело со спортом в городе, возьмите на себя строительство и содержание спортивного стадиона с плавательным бассейном. У вас такой большой бюджет, эти расходы будут в пределах погрешности. - Какой стадион, какой бассейн – зачем заводу эти огромные траты, никак не работающие на выполнение плана? Но директор – по должности член местной партийной номенклатуры (т.е. его учётная карточка члена партии – в горкоме, еще одно эффективное изобретение И.В. Сталина). Секретарь горкома может поднять вопрос о моральном облике коммуниста и – еще хуже – поставить вопрос об исключении директора из партии (влекущем мгновенное снятие со всех должностей, куда хуже пресловутого «волчьего» билета). Чертыхается директор, но делает. Что важно, партийная эта работа велась «по-домашнему» в соответствии с русскими обычаями, не допускающими, чтобы индивид шёл против команды или чтобы противоречия формулировались слишком чётко.

Следует также отметить как несомненное достоинство, что партийная иерархия оказалась удобным средством реализации очень удачной и гибкой (в рамках авторитарной системы управления, конечно) структуры передачи власти на места. Вместо малоподвижной и классообразующей поместной системы царизма, власть осуществлялась не через «помещиков», а через узлы партийно-хозяйственной структуры, так что выбывая из системы, человек сразу терял и те «поместья», которые ему были поручены²⁶. В какой-то степени эта структура перешла и в 21й век²⁷.

21 век, год 2015. Так «встала ли Россия с колен»? Закончилось ли смутное время? Рано говорить. Такое ощущение, что пора испытаний впереди. К новому строительству страна пока, как кажется, не готова. Хотя принципиальных ограничителей для необходимого движения к овладению достижениями научно-технического прогресса тоже не видно.

Как упоминалось, территория России оказалась значительно урезанной. Ушли прибалты, молдаване, значительная часть Кавказа со своими землями, а также евреи – в Израиль, США и др. Это сильно повысило однородность населения в России. Правда, приходится иметь дело с обновленным самосознанием мусульман Поволжья и Северного Кавказа. Многие не хотят мириться с утратой Украины и Белоруссии. Мне кажется, существование независимых близких по духу и языку государств (а почему бы не включить в этот список современные Казахстан и Израиль?) – скорее плюс, чем минус, так как повышает международное присутствие и разнообразие возможностей для «русского духа». Можно, правда, пожелать руководству проявлять больше терпимости и великодушия в неизбежных пограничных конфликтах.

---

²⁶ Можно, правда, попенять, что уж слишком быстро, как-то по-хамски, – на следующий день вычеркивали имя покойного руководителя из всех списков, так что семья лишалась привычных благ в мгновение ока. Ну что бы не подождать какое-то время, дать людям опомниться?

²⁷ Этот аспект хорошо представлен в работах С.Г. Кордонского, хотя и под другим углом (см., например, С. Кордонский (2010) «Россия: Поместная федерация», Изд. Европа, 312 с.).